

МОНАСТЫРЬ
С. КОЛУМБА,
или
РЫЦАРЬ
КРАСНАГО ОРУЖІЯ.

Сочиненіе Радклифъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА, 1816.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Маршъ 27го числа 1816 года. П. О. Профессоръ Василій Котельницкій.

МОНАСТЫРЬ

С. КОЛУМБА.

~~~~~

ГЛАВА I.

Злобный духъ брани, раз-
шоргнувъ узы свои, съ яро-
спію носился на убійспвещ-
ной колесницѣ по окровавлен-
нымъ полямъ древней Кале-
доніи. На шлемъ его развѣ-
вались багроваго цвѣта перья,
надъ главою парилъ смерть,
безжалостная смерть, кошо-
рая порожествовала и улыба-
лась при видѣ многочислен-
ныхъ жертвъ своихъ.

Уже съ зари упрежней
двѣ враждебныя арміи пора-
жали одна другую съ равнымъ
остервенѣніемъ и равнымъ

успѣхомъ. Наконецъ къ вечеру счастье, долго колебавшееся, склонилось на спорную Англинскаго войска, и герои Шотландіи, не смотря на храбрость свою, принуждены были уступить превосходству Бриганской силы.

Смѣлый Эдуардъ Брюсъ на мочномъ рапномъ конѣ своемъ, покрытомъ опъ усалоспи пѣною, собравши правое крыло, вель его опяшь на сраженіе и поражаль все своими ударами, какъ вдругъ молодой Лордъ Валтеръ съ Рандольфомъ, Графомъ Муррайскимъ, скачеть къ нему во весь опоръ и кричитъ :

„Скорѣе, скорѣе, благородный Сиръ Эдуардъ, или брашь пвой, великодушный Робертъ Брюсъ, доспанется въ руки побѣдоноснаго неприятеля!“

При сихъ словахъ Сирь Эдуардъ собираетъ отборныхъ воиновъ, лепитъ на конѣ своемъ по тѣламъ мертвыхъ и умирающихъ, и пробившись сквозь непріятельскіе ряды, достигаетъ до своего брата и видитъ грозящую ему опасность.

Король Робертъ Брюсъ, окруженный храбрѣйшими рыцарями Англинской арміи, защищался какъ разъяренный щигрь, преслѣдуемый охотниками, и пренебрегалъ смерть какъ неуспрашиваемый воинъ. Подлѣ него сражался отважный Лордъ Дугласъ, презирая опасности, его окружавшія, и думая только о бѣдствіи своего Государя. По правую руку доспойнаго сего рыцаря юный Губертъ Авинцо оказывалъ почти сверхъестественные опыты своей храбрости. Уже три раза освободилъ онъ Ко-

роля Роберта Брюса изъ толпы сражающихся. Въ ту минуту, какъ Сиръ Эдуардъ подоспѣлъ на помощь къ своему брату, Губерто бросился на Графа Пемброка, Генералиссима Англинской арміи, и полураздробленнымъ щитомъ своимъ опразилъ удары бердыша, которые Пемброкъ не прешавалъ наноситьъ Королю Шотландскому. Геройская преданность сего юноши спасла жизнь Монарха, которій, упомаясь успалосцію, не могъ болѣе пропивитсья усиліямъ многочисленныхъ пропивниковъ, на него успремившихся.

Съ помощію Сира Эдуарда и еге рыцарей, Король, Лордъ Дугласъ и Губерто щасливо освободились отъ опасности, въ которой они находились. Повсюду однакожь побѣда была на споронѣ Бри-

танскихъ войскъ ; опрокинутые Шопландскіе полки оставили поле сраженія съ крайнею поспѣшностію и съ величайшимъ безпорядкомъ, между тѣмъ какъ звуки трубъ, повпорямые эхомъ, давали горесный сигналъ къ отступленію.

Съ великимъ трудомъ рѣшился Король Робертъ искать спасенія своего въ бѣгствѣ. Уступивши наконецъ убѣдительнымъ просьбамъ друзей своихъ, направилъ онъ путь свой къ смежному лѣсу, въ сопровожденіи однихъ храбрыхъ полководцевъ, доказавшихъ ему свою привязанность. Юный Губерто, котораго странная судьба должна была сдѣлатьъ вскоре главною подпорсю его партіи, слѣдовалъ также за своимъ Государемъ.

Мрачное покрывало вечера начинало заспилашь послѣднѣе лучи угасающаго дня. Монархъ и унылые его сподвижники заѣхали въ самую глубину лѣса и заблудились въ многочисленныхъ и непроходимыхъ его дорогахъ. Уже опдаленный звукъ, Англинскихъ трубъ пѣсни побѣдителей, крики бѣгущихъ перестали поражать слухъ спасающихся рыцарей, вдругъ Король Робертъ останавливаетъ коня своего, обращается къ друзьямъ, соупсвующимъ ему, и говоритъ слѣдующее :

„Храбрые товарищи, вѣрные друзья мои! намъ должно бы ожидать щасливѣйшаго успѣха отъ усилій нашихъ для сохраненія независимости любезнаго опечества. Мужественно и постоянно защищали мы его, кровь на-

ша лилась за свободу и Шотландію; однакожь вы видите, что щастіе оружія измѣнило намъ, мы поражены на поляхъ Метвенскихъ (*); но, заклинаю васъ, не перяйте надежды посреди бѣдъ свѣихъ, споль мало заслуженныхъ; берегитесь, чпобъ храбрыя и благородныя сердца ваши не пришли въ уныніе. Правда, что свѣенравіе судьбы приводитъ насъ въ ужасную крайность; но чѣмъ жесточе удары ея, тѣмъ славное пропивишься онымъ. Будемъ надѣяться на волю Вышняго, взирающаго милосердымъ окомъ на добродѣтельнаго. Еслии Король вашъ пережилъ кровавый день сей, то обязанъ тѣмъ вамъ, хра-

---

(*) Метвенское сраженіе, 1306 года. Эдуардъ Ій, Король Англинскій, началъ въ расплехъ на Шотландскую армію и изрубилъ ее.

брые друзья мои. А ты, юный Губерто, прими въ особенностн благодарностъ мою : ты не спрашился многократно подвергать жизнь свою опасности на зашипу мою, Всѣ вы мужественно защищали дни и честь вашего Государя, раздѣлимъ общее несчастіе наше ; но можетъ ли минувшая неудача привести насъ въ уныніе ? унижусь ли я до опчальніа ? Напропивъ того упоиреблю всѣ усилія для утвержденія независимости Шотландіи, клянусь утвердись ея свободу, или пусть прекраиись въ семь благородномъ предпріятіи жизнь моя, естли не распоргни узъ порабощенія ! Между тѣмъ какъ блуждаемъ мы въ сихъ дикихъ кустарникахъ, неприапель нашъ, гордась своими успѣхами, умышляетъ догубить насъ ; пора рѣшишь-

я, что дѣлать, и призвать на помощь совѣты разума и опытноспи. Пусть каждый изъ васъ объявитъ свое мнѣніе. Говори, братъ мой! помоги намъ мудрыми своими совѣтами.“

„Разумнѣ всего было бы, опвѣчалъ Сиръ Эдуардъ, скажь убѣжище, гдѣ моглибъ мы скрыться отъ преслѣдованій непріятеля.“

— „Я согласенъ съ Сиромъ Эдуардомъ, сказалъ Графъ Муррай: нашедши убѣжище отъ угрожающей намъ опасности, мы можемъ уведомить тайно друзей своихъ и вѣрныхъ сподвижниковъ о мѣрахъ, какія надобно взять для новаго нападенія на побѣдоноснаго врага.“

— „Да погибнетъ онъ и проклятое племя его!“ съ гнѣвомъ вскричалъ Лордъ Дугласъ. „Могу ли слышать, что успѣхъ;

которымъ обязаны они только многочисленному и изменчивому, называющемуся побѣдою? О! когда опмщу я убіеніе двухъ моихъ братьевъ, умерщвленныхъ на поносномъ эшафотѣ? когда освобожу супругу свою, предметъ любви моей, дочь безцѣнный залогъ ея нѣжности? Всемогущій Боже! супруга и дочь Шотландца Дугласа носятъ оковы и спешаютъ въ стѣнахъ Лондонскихъ!“

— „Успокойтесь, Лордъ Дугласъ, успокойтесь, скажетъ молодой Лордъ Валперъ, не теряйте драгоценнаго времени въ бесполезныхъ упрекахъ; именемъ дружбы прошу васъ, умѣрьте свое негодованіе и подумайте, что мы имѣемъ нужду въ мудрыхъ вашихъ совѣтахъ.“

— „Уступаю симъ причинамъ, благородный другъ

мой, отвѣчалъ Лордъ Дугласъ; но простице меня, Государь, я не могу удержаться опъ чувспвъ ненавищенн къ злодѣямъ моимъ, раздирающимъ мое сердце.“

— „Мнѣніе мое, сказалъ юный Губерно, слѣдовапъ безъ замедленія по дорогѣ, которую благопріятный рокъ, кажется, какъ бы съ намѣреніемъ заставиль избрать насъ. Она ведетъ къ Веспернскимъ островамъ. Трудные и опасные проходы, шуда ведущіе, и въ которыхъ мы теперь находимся, не позволяпъ непришелью насъ преслѣдовать; и такъ опправимся шуда. Сокрывшисъ въ одномъ изъ сихъ острововъ, мы можемъ, не спрашасъ ничего, презирапъ сѣпн враговъ нашихъ и приняпъ нужныя мѣры къ уничтоженію ихъ намѣреній.“

— „Прими, опивѣчалъ Монархъ, прими мою благодарность, великодушный юноша, споль же мудрый въ совѣщѣ, какъ и неустрашимый въ сраженіи. Чпо вы о томъ думаете, друзья? находите ли вы какое-нибудь возраженіе на совѣщѣ Губерта?“

— „Мы принимаемъ его; опивѣчали вдругъ всѣ рыцари, и благодаримъ за него Губерта; онъ можешъ положишь ся на признапельность нашу и дружбу.“

— „Эта награда, возразиль юноша, есть драгоцѣннѣйшій предметъ моихъ желаній.“

— „Мы знаемъ швою храбросшь и вѣрность, продолжалъ Монархъ, и всѣ любимъ тебя. Поѣдемъ, друзья, поѣдемъ не мѣшка къ Западу, Да будетъ Богъ нашею подпорою, а надежда вождемъ на-

шимъ! Поѣдемъ и не остано-
вимся до шѣхъ поръ, покуда
не достигнемъ острова Орон-
ца, какъ надежнаго нашего
убѣжища.“

Онъ сказалъ, и кони, чув-
ствуя удары шпоръ, кусаютъ
побѣлѣвшія отъ пѣны свои
удила, бросаются и летятъ
съ быспроною молнію.

Двѣ ночи Король Ро-
бертъ и поварищи его без-
престанно ѣхали, едва имѣя
время перемѣнять лошадей и
принять пищу. Въ концѣ
третьяго дня прибыли они
благополучно къ берегамъ про-
лива у острова Юра; тамъ
оснавили они лошадей сво-
ихъ и переѣхали на баркѣ на
островъ; потомъ, прошедши
черезъ него, сѣли на другое
судно и поплыли къ острову
Оронца.

Величественное дневное
свѣщило скрылось за гори-

зоншъ и погрузилось въ волнахъ; вскорѣ грозныя облака помрачили небо, глухіе отдаленныя грома слышались на Сѣверѣ, море поспешенно возвышалось, пѣнистыя волны его разбивались о слабое судно, которое несло на себѣ несчастнаго Монарха и вѣрныхъ его солупниковъ.

Машросы, съ помощію рыцарей, долго боролись съ ярящимися волнами; но соединенныя усилія ихъ дѣлали только слабое сопротивленіе онымъ. Яликъ, погружаясь въ опверсшую бездну, казался навсегда погибшимъ или, поднимаясь на валахъ, на минушу былъ видимъ, а потомъ опять поглощался бездонною пучиною.

Неустрашимый Монархъ и храбрые друзья его, испощенные усилоспійю, предоспавили наконецъ судно свое

жестокимъ ударамъ яростной стихіи; рѣшившись умереть съ чистою совѣстію, сильнѣйшею опорой добродѣтельныхъ сердець, ожидали они въ молчаніи гибельной минутой, которая должна была рѣшить ихъ участь. Но могущественная рука Промысла захопѣла сдѣлать для нихъ то, что всѣ человѣческія усилія тщетно старались бы совершить. Раздраженные волны пригнали яликъ къ берегу, шихо выкинули его на песокъ и возвратили жизнь несчастнымъ.

Каждый изъ нихъ, исполненный сердечной признательности, воздалъ благодареніе спасшему ихъ Богу, и испомъ на мягкой муравѣ успокоили они члены свои, утомленные усталостію и жестокимъ нападеніемъ вѣтровъ и раздраженныхъ волнъ.

Г Л А В А II.

Посреди глубокаго безмолвія ночи вдругъ услышали они унылые звуки, приносимые на крыльяхъ вѣтра. Это былъ колоколь Оранцкаго Аббатства, возвѣщавшій торжественный часъ полуночи. Сей неожиданный звукъ возродилъ бодрость въ Король Робертъ и вѣрныхъ его спутникахъ, которые тотчасъ всѣ вспали и предложили Королю идти въ сіе убѣжище, гдѣ нашель бы онъ должное уваженіе къ сану своему и нужную помощь въ соспояніи, въ какомъ онъ находился. Уступая ихъ просьбамъ, Король оперся о плечо Лорда Балпера и Графа Муррач и медленно слѣдовалъ за другими рыцарями къ помумъспу, откуда продолжилель-

ные звуки колокола доходили до его слуха.

Продолжая нѣсколько времени путь свой, приблизились они къ густому лѣсу, копорый въ ночной шемнопѣ, казалось, всюду проспираль черную шѣнь свою. Король и прочіе рыцари, спрашась заблудись въ густопѣ лѣса, остановились по совѣпу Лорда Дугласа, копорый въ сіе время пошелъ самъ въ лѣсъ, въ сопровожденіи молодого Губерта Авинцо, посмопрѣшь, не лѣзя ли найти черезъ него дороги, но послѣ многихъ шрудовъ увидѣли, что исканіе ихъ было бесполезно. Они возвратились опяшь къ Королю и всѣ рѣшились искать прохода черезъ лѣсъ, предъ ними находившійся. Дождь хотя и уменьшился, но еще былъ

довольно сильнѣ; а вѣтеръ, дувшій съ жестокостію сквозь листья, производилъ по временамъ глухой ревъ и увеличивалъ ужасъ мрачной ночи, покрывшей мглою своею всѣ предметы.

Авинцо, шедшій съ Лордомъ Дугласомъ впереди, увидѣлъ наконецъ слабый свѣтъ, который, казалось, выходилъ какъ бы изъ окошекъ какого-нибудь Аббатства. Исполненный радости, объявляетъ онъ Монарху о своемъ открытіи, и они поспѣшно направляющъ столпы свои въ сію сторону.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ монастырь, о богатствѣ котораго можно было судить по его обширности. Подойдя къ стѣнамъ, увидѣли они, что опверстіе, изъ котораго выходилъ слабый свѣтъ, примѣченный ими въ лѣсу,

было одно изъ многочисленныхъ окошекъ, которыя находились въ церкви съ Сѣверной стороны.

Цвѣтныя стекла, сквозь которыя блиспаль свѣтъ безчисленныхъ лампадъ, горѣвшихъ внутри, сославляли великолѣпный контрастъ со спрашною темною окружающихъ лѣсовъ и внушали чувство благоговѣнiя, которому способствовало и пѣнiе монаховъ, опирающихся въ сiю минуту ночное служенiе.

На краю церкви увидѣли они другую часть строенiя, примыкающую къ главному корпусу, которой издали и въ темнотѣ они сперва не примѣтили. Они пошли медленно вдоль стѣны и нашли почти на половинѣ дороги главный входъ въ монастырь, который до сихъ поръ скры-

вался опть нихъ за выдавши-
мися часнями зданія.

Сирь Эдуардъ хопѣль
уже поспучашься и просипь
госпепрїимспва, какъ вдругъ
Король схвапиль поспѣшно
за руку Эдуарда и сказаь
ему: „Поспой, братаець, и не
проси убѣжища въ сихъ мѣ-
спахъ, не выслушавъ того,
что я хочу тебѣ сказаь.
Не знаю, опть чего ужасъ, ко-
порого я не могу преодолѣть,
наполняетъ душу мою безпо-
койствомъ и недоувѣрчиво-
спїю. Помнише, любезные
друзья, что Государь вашъ
долженъ оспатъся неизвѣсп-
нымъ, и осперегайтешь да-
вашь знаь, что онъ нахо-
дипся съ вами; скажемъ,
что мы иноземные рыцари и
пришли искаь убѣжища въ
сихъ спранахъ послѣ пора-
женія Короля Шопландскаго
при Мепвенѣ. Король Анг-

линскій безъ сомнѣнія имѣешь на многочисленныхъ островахъ, окружающихъ Шотландію, шпионовъ и тайныхъ партизановъ, которые конечно измѣнилибъ намъ, и такъ возьмемъ прибѣжище къ благоразумію и вывѣдаемъ расположенія жишелей сего монастыря, прежде нежели ввѣримъ имъ истинное наше происхожденіе.“

Сиръ Эдуардъ и другіе рыцари одобрили мудрыя совѣщанія Короля и поступались.

Черезъ нѣсколько минути услышали они медленно идущаго; въ то же время сквозь рѣшетку воротъ спросилъ ихъ нѣкто злобнымъ и грубымъ голосомъ:

„Кто вы таковы? за чѣмъ прерываете въ столь поздній часъ покой вѣрнихъ служителей религіи? Удались; всѣ ошцы наши

въ церкви, и Аббашъ запретишь подь спрѣгимъ наказаніемъ прерывать службу Божию.“

— „Мы не хотимъ возмущать, отвѣчалъ Монархъ, благочестивыхъ вашихъ занятій, но напрошивъ желали бы соединить свои моленія съ вашими. То, чего мы просимъ у васъ, есть дѣло пріятнѣйшее для Бога, когда исполняютъ его по свободному движенію сердца; мы просимъ только убѣжища отъ мрачной ночи.“

„Напрасно теряете время, ищите его въ другомъ мѣстѣ, отвѣчалъ съ грубостію потъ же голосъ.“

Въ то же время услышали они, что монахъ удаляется; тогда Эдуардъ, дошедши къ рѣшешкѣ, закричалъ ему:

„Изъ жалости не отказывайте намъ въ убѣжищѣ;

мы не бродяги, пришедшіе просить вашего благословенія и милосердія, мы благородные рыцари, принужденные бѣжать, сражавшись храбро при Мепвенѣ за Короля и опечесиво наше, и претерпѣли, подобно ему, жестокость рока. “

Казалось, онъ приближался. „Говорите, кто вы?“ спросилъ ихъ голосъ. —

— „Мы рыцари, въ службѣ Короля Роберта,“ отвѣчала Эдуардъ.

За симъ краткимъ разговоромъ послѣдовало долгое молчаніе. Наконецъ раздался во внутренности спукъ тяжелыхъ запоровъ цѣпей. Потомъ со скрипомъ отворилась дверь на крючьяхъ своей, и взорамъ ихъ представились обширные сѣни, едва освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ многихъ лампадъ, ви-

сящихъ по спѣнамъ. На полу стояла мѣдная лампада, которую монахъ поднялъ наравнѣ съ головою и при свѣтѣ ея разсматривалъ внимательно лица бѣглецовъ, одного за другимъ. Взоры монаха были исполненные недовѣрчивости, и каждая черта опираишельнаго лица его выражала суровость. По окончаніи осмотра, монахъ далъ имъ знакъ слѣдовать за собою. Монархъ и поварищи его пошли за нимъ и услышали стукъ дверей, которыя запералъ за ними монахъ, досель скрывавшійся опъ ихъ взоровъ.

Пройдя сѣни, вошли они въ залу, еще болѣе мрачнаго вида, гдѣ проводникъ ихъ, показавъ имъ дубовую скамью, предложилъ сѣсть. Они повиновались въ молчаніи, и монахъ удалился въ другія две-

ри, которыя, казалось имъ, имѣли сообщеніе съ длиннымъ рядомъ комнаць, также пустыхъ, какъ и та, которую они занимали.

Бѣглымъ очень хотѣлось сообщить другъ другу свои замѣчанія о спраннымъ приемѣ, имъ сдѣланномъ; но задумчивое молчаніе Государя препятствовало имъ говорить. „Можно ли видѣть въ семь приемѣ, говорили они сами про себя, упѣшительную помощь, которой несчастные имѣютъ право ожидать отъ служителей вѣры? Въместо братской любви въ чертахъ нашего проводника изображается мрачное подозрѣніе, и посылки его такъ холодны, такъ опиврашительны, что видѣ сихъ мѣсть внушаетъ гореснь и ужасъ.“

Монархъ по же думаль ,
что и они; но скоро важнѣй-
шіе предметы погрузили его
въ размышленіе.

Естьли монахи сей оби-
тели , думаль онъ , спавяшъ
въ примѣръ своего начальника,
по сіе убѣжище ненадежно
для меня , попому что подо-
зрѣніе обитаетъ только въ
сердцахъ порочныхъ и раз-
вращенныхъ. Кропоспъ , на-
прошивъ того , есть спущ-
ница добродѣтели ; безъ нее
подлоспъ и злоба загражда-
ють доступъ къ прелестямъ
добродушія , и направляютъ
порочнаго на путь преспу-
пленій.

Спукъ шаговъ прервалъ
сіи размышленія , и въ короп-
кое время послѣ того пошь
же монахъ явился съ однимъ
изъ своихъ братій. Король и
рыцари не могли удержатъ
ошь . чувспвъ изумленія ,

взглянувъ на лицо прашедшаго къ нимъ монаха. Съ ужасною сухостию соединялъ онъ ростъ чрезвычайной вышины; верхушка головы его, совсѣмъ лысая, дѣлала контрастъ съ волосами весьма черными и короткими, которые покрывали едва претъ его лба; черты его, хотя правильныя, имѣли въ себѣ нѣчто необыкновенное и возбуждали особенное вниманіе; пыліе глаза, орлиной носъ, щеки, которыхъ безмѣрная выпуклость скулъ дѣлала еще болѣе впалыми, широкой ротъ съ такими же блѣдными зубами, что ихъ едва можно было различить отъ лица; прибавьте къ этому мертвый синеватый цвѣтъ: — вотъ главнѣйшія черты сей ужасной фигуры.

Одежда монаха состояла въ черной рясѣ, сходившейся

широкими складками по изсохшимъ его членамъ и копорой хвостъ пащилса по помосту залы. Она была завязана нерадиво веревкою около его стана, и широкій креслъ изъ бѣлаго сукна висѣлъ на груди его.

Онъ сказалъ тихо нѣсколько словъ монаху, шедшему передъ нимъ, копорый поспавилъ пошчасъ лампаду на землю и, поклонясь съ униженнымъ видомъ, спсступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ. Тогда, опершись лѣвымъ локтемъ на правую руку и положивъ на рошъ палець, медленными и ровными шагами ходилъ онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ передъ Королемъ и другими рыцарями, и мрачнымъ взоромъ своимъ разсмащривалъ онъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ бы

хотѣлъ проникнуть до глубины ихъ сердець.

Когда кончилась эта странная церемонія, то онъ остановился передъ Королемъ и по минушномъ молчаніи, болѣе выразительномъ, нежели самая рѣчь, сказалъ ему :

„Вы говорите, Г. рыцарь, что пришли въ сіи мѣста изъ Мепвена, дабы сыскаать убѣжище отъ преслѣдованій неприяшеля: развѣ Король Робертъ Брюсъ побѣжденъ?“

— „Да, ошвѣчалъ съ твердосцію Король: Государь нашъ и мы, вѣрные его защитники, претерпѣли поражение; мы сражались храбро и были побѣждены; но клянусь, что скоро приобрѣтемъ сіи лавры, поперянные не безъ славы.“

— „Вы любите Короля?“

— „Никпо не привязанъ къ нему сполько, какъ я, и

смѣю сказать, Робертъ не имѣеть лучшаго рыцаря.“

— „Что дѣлаешь онъ теперь?“

— „То, что дѣлають всѣ Монархи, претерпѣвъ минушную неудачу. Преслѣдуемый неблагоприятною судьбою, онъ сохраняетъ въ своемъ несчастіи Королевскій духъ и сноситъ свое несчастіе съ свойственною ему твердостью.“

Монахъ замолчалъ на минуту, пощупивъ глаза, потомъ поднялъ ихъ тотчасъ и, смотря пристально на Короля, сказалъ ему, возвысивъ голосъ съ таинственнымъ наклоненіемъ головы: „А если-бы вы были на мѣстѣ Короля, то какія бы принялъ мѣры?“

— „Я сражался бы до тѣхъ поръ, покада сдѣлалъ бы непоколебимою свою корону и

ушвердилъ независимость Шотландіи.“

Монахъ продолжалъ разсматривать внимательно Монарха и, казалось, былъ въ задумчивости, потомъ подошелъ медленно къ двери. Видя, что онъ подходитъ, другой монахъ взялъ лампаду, чтобы проводить его, какъ и прежде; но онъ остановилъ его и скоро сокрылся въ темнотѣ.

Когда онъ ушелъ, то Король вспалъ и подошелъ къ оставшемуся монаху. „Скажи те мнѣ, прошу васъ, спросилъ онъ его, какому Святому посвященъ сей монастырь и какъ зовутъ Наспопашеля его?“

— „Это монастырь Святаго Колумба, а отецъ Аббалъ называется Гондецомъ“ отвѣчалъ угрюмо монахъ.

— „Не лѣзя ли поговорить съ опцомъ Аббатомъ,“ сказалъ Король?

— „Не уже ли думаете вы, Г. рыцарь, что преподобный Аббать монастыря Святаго Колумба оставилъ важныя свои занятія, чтобы говорить съ иностранцомъ? Вы очень мало знаете святаго этого мужа; самъ Монархъ не получилъ отъ него такого знака снисхожденія. Святыи нащъ братъ Джонъ Думбаръ, который сей часъ ушелъ отъ васъ, не опасается самъ прервать его въ сію минуту, хотя онъ пользуется его довѣренностію и искренній другъ его.“

— „Искренній его другъ!“ повторилъ Король. Послѣдствія сіи слова монаха сдѣлали такое сильное впечатлѣніе надъ разумомъ Роберта, что въ первомъ движеніи не могъ онъ

удержаться отъ сего невольнаго восклицанія; потомъ онъ сѣлъ опять подлѣ Лорда Дугласа и погрузился въ глубокую задумчивость.

Нѣсколько времени были они въ непріятномъ состояніи незвѣстности, какъ препіи монахъ вошелъ въ комнату и объявилъ имъ, что подали ужинать и приготовили кельи для ихъ отдохновенія.

Бѣглецы, истощенные усалоснію, пошли въ молчаніи за проводникомъ, который ввелъ ихъ въ залу, гдѣ поставленъ былъ столъ со всякими кушаньями, какія монастырь могъ имъ доставить.

Во время ужина многіе монахи входили и выходили, сохраняя прежній видъ холодноспя и скрытности и то же недоброжелательство.

Раздраженные такими поспутками, Монархъ и поварищи его, опасаясь измѣнить себѣ, въ присутствіи наблюдавшихъ за ними, подражали съ своей спорной поведенію хозяевъ и спѣшили окончить печальный ужинъ, послѣ котораго повели ихъ, каждаго особенно, въ комнаты, приготовленные для сна.

Тщешно захопѣлибъ изобразить разныя чувства, волновавшія ихъ душу, когда оспались они одни въ уединенныхъ своихъ комнатахъ. Каждый имѣлъ странныя предчувствія какого-нибудь несчастія, котораго не могъ вообразить.

Губерта Авинцо, не смотря на природную свою неуспрашиваемость, чувствовалъ неописанный ужасъ, приводившій душу его въ волненіе,

„Отъ чего, вскричалъ онъ, эштошь препенеть, котораго не могу ни побѣдить, ни опредѣлить? Каждый предметъ въ семь жилищъ, вмѣсто того чшобы вдохнуть спокойствіе въ мое сердце, волнуешь оное мрачными предчувствіями, которыя противъ воли заспаваютъ меня препенать.“

Въ самое то время вѣтеръ, какъ бы соглашался съ мрачными его мыслями, заревѣлъ сквозь рѣшетку его окна. Губерто долго не могъ вкусить сна и рѣшился наконецъ вспать, чшобы освободиться отъ бессонницы и разсѣять горестныя размышленія, не престававшія его мучить.

Луна, проницая по временамъ сквозь прозрачныя облака, носящіяся въ воздухъ, освѣтила Губерто. Онъ

разсмотрѣвъ свою комнату и увидѣвъ Распачіе, поспавленное къ стѣнѣ надъ маленькимъ изломомъ. Простершись поначасъ предъ симъ изображеніемъ, призывалъ онъ съ жаромъ еѣ на помощь. Окончавши свою молитву, вдругъ почувствовалъ онъ, что ужась, наполнявшій душу его, облегчился; сладкій и мирный сонъ овладѣлъ его чувствами и возвратилъ силы истощенному усалостію его тѣлу.

Г Л А В А III.

Губерто Авинцо, доказавшіи многими опытами привязанность свою къ Роберту, Королю Шотландскому, и освобождая многократно сего Государя отъ неизбѣжныхъ опасностей, былъ ро-

домъ Испаліянecъ. Чрезвычайныя обстоятельcтва иcпоргнули его рано отъ родителей и опечалова. Глубокая тайна покрыва происхождение его непроницаемою завѣсою.

Съ самаго нѣжнаго младенчества привезенъ онъ былъ въ Шотландію иностранцемъ, котораго физіономія и поступки показывали, что онъ былъ не низкаго произхожденія, хотя плащъ и наружный нарядъ не соотвѣтствовали сперва сей мысли. Менперъ Авинцы стараясь, можетъ быть, подъ простою одеждою скрыть насущное свое благородство и рожденіе.

Богатство и пышность заставилибъ подобравать прошивное. Онъ назывался Алларромъ и говорилъ, что былъ родомъ изъ Рима; каза-

лось, что ему едва было
придцать лѣтъ.

Во время пребыванія его
въ Едимбургѣ пріятность его
обхожденія, а еще болѣе доб-
рых его качества доставили
ему входъ къ Сирь Аллану
Макдональду, съ которымъ
онъ вскорѣ подружился. Род-
ственники и знакомые сего
послѣдняго принимали Ал-
зарра съ осплічіемъ; но тѣмъ
не менѣе оспалось неизвѣст-
нымъ его происхожденіе и по-
рода молодаго его пипомца,
Губерта Авинцы. Молчаніе
сіе и шаинственна оспорож-
ность не уменьшали къ нему
любви Сирь Аллана. Благород-
ный сей покровитель пред-
спавиль Алзарра ко Двору
Александра III, царствовав-
шаго тогда въ Шотландіи.
Онъ былъ принятъ имъ со-
ошвѣтствененно его достоин-
ствамъ.

Пробывши годъ въ Единбургѣ, Алзарро получилъ вдругъ изъ Рима письма, которыхъ содержаніе, казалось, имѣло сильное на него вліяніе: видъ его сдѣлался таинственнѣе, молчаніе упорнѣе. Черезъ нѣсколько дней въ одинъ вечеръ, какъ казался онъ задумчивѣе и смущеннѣе обыкновеннаго, сказалъ онъ наединѣ Сиръ Аллану Макдональду слѣдующее:

„Благороднѣе ваши поспулки, Сиръ Алланъ, и дружба, которой вы меня удостоиваете, не смотря на то, что я иностранецъ, останутся навсегда начертанными въ моей памяти. Желалъ бы очень, чтобъ мнѣ позволено было спрятать вамъ сего дня тайну, которою окружена участь несчастнаго ребенка, любезнаго моего Авинца; но открытіе это

мнѣ не позволено. Я обязанъ клятвою и не могъ бы простить самъ себѣ, естлибъ измѣнилъ тайнѣ, мнѣ ввѣренной. Коль скоро мнѣ позволять говорить, то вѣрите, Сиръ, что не буду сохранять съ вами этой пятоспшной оспорожности, потому что вы, болѣе нежели кто либо на свѣтѣ, имѣете неоспоримыя права на мою искренность. Выслушайте, что я могу сказать вамъ по сему предмету. Пять лѣтъ уже прошло, какъ Губертъ родился. Несчастный до сей еще минуты не знаетъ злополучную мать свою, и когда онъ явился на свѣтъ, то она имѣла время только прижать его къ разперзанному своему сердцу и навсегда съ нимъ проститься. Отецъ его и я были однихъ лѣтъ. Время и разумъ соединили крѣпче нашу

дружбу, возродившуюся съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Я раздѣлялъ его удовольствія и хотѣлъ раздѣлить его горести и нещастія. Знайте, Сирь Алланъ, что Алзарро не настоящее мое имя, что имя Губерта Авинцы, данное сему младенцу, также подложное и что виновники его жизни знаменитаго происхожденія. Знайте также, что я спасъ сей драгоценный залогъ отъ гибельной и неизбѣжной смерти и что не поколебался изгнать себя добровольно изъ отечества. Человѣколюбіе, честь и нѣжнѣйшая дружба повелѣвали мнѣ принести эту свягоспную жертву.“

При сихъ словахъ Алзарро пожалъ, крѣпко руку Сирь Аллана, попомъ, оперши слезы свои, которыхъ не могъ удержатъ, продолжалъ такимъ образомъ :

„Я разскалъ вамъ, Сирь Алланъ, все, что честь и уваженіе, должныя дружбѣ, позволили открыть мнѣ. Теперь вы въ состояніи судить о существѣ тайны, которую я долженъ заключить въ своемъ сердцѣ. Внутреннее увѣреніе въ вашей добродѣтели и дружба, которой вы меня удостоиваете, могли одни побудить меня прервать молчаніе по сему предмету. Но, каковыбы ни были доказательства великодушнѣйшей дружбы вашей, я долженъ пребыть сего же дня новаго изъясненія любви вашей. Вы не откажите мнѣ въ милости, которой осмѣливаюсь у васъ просить. Удостоите, заклиная васъ, принять подъ свое покровительство молодого Губерта Авинцѹ, которой скоро останется безъ опоры. Самыя важныя извѣ-

стія перебують, чшобы я немедленно явился въ Римъ. Сколь это для меня ни тяжко, но я принужденъ оставивъ въ Шотландіи сіе драгоценное дитя. Опсупспвіе мое, надѣюсь, не будетъ продолжительно; однакожь мнѣ не возможно опредѣлить вѣрно время своего возвращенія. Да найдете Губерто въ васъ покровителя и отца! Я призываю за него, Сирь Алланъ, ваше великодушіе, именемъ несчастной любви и угнетенной невинности, пребую того именемъ дружбы, которую благородный характеръ вашъ внушилъ мнѣ на всю жизнь.“

— „Человѣколюбіе, отвѣчала Сирь Алланъ, побуждаетъ меня помочь невинности и несчастію; религія обязываетъ меня все для нихъ сдѣлать. И такъ я принимаю,

любезный Алзарро, драгоценный залогъ, который вы хотѣли мнѣ ввѣрить, какъ знакъ вашего почтенія; я принимаю его даже съ признательностію и не могу не благодарить за то Небо. давно уже желалъ я, чтобъ случай представилъ мнѣ то, въ чемъ природа до сихъ поръ мнѣ отказывала; давно хотѣлъ я имѣть любезное дитя, котораго могъ бы я воспитывать и научить какъ собственнаго своего сына. И такъ побѣждайте, Алзарро, потому что обстоятельства вѣдывающія в васъ того прѣбываютъ, побѣждайте не безпокоясь и повѣрьте безъ страха молодому Авиенцу моему ревности и вѣрности. “

Сильное смущеніе Авиенца выражало довольно чувствование его горести. На другой день, окошко прѣготовленія къ отъѣзду, Алзар-

ро ушелъ въ свою комнату, погладилъ ливромца своего къ себѣ на колѣни; тогда, обративъ на него глаза, омоченные слезами, сказалъ ему слѣдующее :

„Драгоценный залогъ нѣжнѣйшей любви! сколько горесныхъ воспоминаній приводяшь мнѣ на память милыя черты твои! какъ ясно изображаютъ онѣ скромность и благородство несчастныхъ твоихъ родителей! Можешь быть теперь покояшься они во мракѣ гроба; можешь быть смерть прекратила ихъ сраданія. О какъ горесно для меня получишь въ томъ удостовѣреніе! Увы! я боюсь, что не пріобрѣну никакого плода отъ новыхъ опасностей, которыми хочу подвергнуться. О любезное дитя! живи по крайней мѣрѣ, члѣбъ утѣшаешь меня въ потерѣ

ихъ. Съ самаго нѣжнаго младенчества видѣлъ я въ себѣ храбрость, доброту, честность своего отца; я видѣлъ въ невинныхъ играхъ своего возраста, какъ неизреченная крепость своей матери обуздывала рождающуюся гордость юнаго своего сердца.“

Алзарро напечатлѣлъ на устахъ Губерта поцѣлуй, исполненный нѣжности. Последній однакожь смотрѣлъ на него съ разстроганнымъ видомъ, цѣловалъ его руки и слушалъ съ живѣйшимъ вниманіемъ.

„Милое дитя! началъ опять Алзарро, я оставляю тебя можешь быть надолго, не забывай наставленій, которыми я не преславалъ себѣ давать. Будь ласковъ ко всѣмъ, человекѣлюбивъ къ тѣмъ, коихъ жребій поставилъ ниже тебя; избѣгай поспуковъ, ко-

порыхъ не можешь одобрить, и полагайся на Бога, Которому приносишь ежедневно дань признапельности, къ Которому воздѣваешь ввечеру и по утру невинныя руки свои. Будь всегда Сирь Аллану шѣмъ, чѣмъ былъ доселѣ ко мнѣ, и юность швоя найдеть въ немъ покровишеля и опца. Люби подобныхъ себѣ; да будеть это непреспанно первую швоею мыслию. Не спарайся никогда мспишь, даже и шѣмъ, которые хопѣли бы вредить шибѣ.“

Слезы шекли изъ глазъ молодого Губерпа во время сей рѣчи; онъ не могъ удержашь ихъ при послѣднихъ эшихъ словахъ и вскричалъ:

„Т а къ, такъ, родишель мой!, я буду вамъ повиновашься, не сомнѣвайшесь въ шомъ, пошому что вы такъ хорошо научили меня любить, что

я никогда ни къ кому не буду чувствовать ненависти.“

— „Принимаю твое обещаніе, о сынъ мой!“ сказала Алзарро, сжимая въ своихъ рукахъ маленькія руки Губерта; потомъ, взглянувъ къ тому же время на небо, присовокупилъ: „такъ! я принимаю сіе въ залогъ привязанности твоей къ добродѣтели.“

Прижавши еще разъ съ жаромъ Губерта къ своей груди, Алзарро повелъ его въ комнату, гдѣ ожидали его Сиръ Алланъ и Леди Мадональдъ. Онъ вручилъ его торжественно ихъ попеченіямъ и, понѣжнѣйшемъ прощаніи, распался съ благородными своими друзьями. Тогда, удалившись поспѣшно отъ Замка, сѣлъ на лошадь, выѣхалъ ночью изъ Эдамбурга и прибылъ на другой день въ Бервикъ; тамъ нашелъ готовый

корабль для отправленія своего въ опечеснво. Онъ попы-
 чась сѣсть на него и поплыль
 при благопріятномъ вѣтрѣ
 къ берегамъ Италіи.

Г Л А В А IV.

Прошли два года, а изъ
 Италіи не получали никакого
 извѣстія объ Алзаррѣ. Алек-
 сандръ, Король Шотландскій,
 умеръ, и многіе претенденты
 спорили о коронѣ его. Послѣ
 жестокихъ преній и крово-
 пролитныхъ распрен соглас-
 сались предоснавить это на
 рѣшеніе Эдуарда Iго, Короля
 Англицкаго, который, желая
 присоединить Шотландію къ
 собственнымъ своимъ владѣ-
 ніямъ, привудилъ Короля Ва-
 ліду, правнука Давида, Гра-
 фа Гунтингедовскаго, при-
 нявъ условія, весьма благо-

пріяшныя честлюбивымъ его намѣреніямъ. Баліоль въ самомъ дѣлѣ обязался, принявъ корону, присягнуть въ вѣрности Королю Англинскому, и симъ безчестнымъ поступкомъ измѣнилъ законнымъ правамъ своихъ соопечесвенниковъ. Раздраженные симъ покушеніемъ на независимость, подданные взбунтовались скоро противъ новаго Монарха, и такимъ образомъ Шотландія сдѣлалась ужаснымъ театромъ убійствъ и опустошеній.

Между начальниками партіи, вооружившейся за вольность, отличался благородный Сиръ Алланъ Макдональдъ, столь же мудрый въ совѣсахъ, какъ и неуспрашимый въ опасностяхъ. Долго былъ онъ непреоборимымъ препятствіемъ честлюбивымъ намѣреніямъ Короля Англин-

скаго, который съ многочисленною и хорошо устроенною арміею вошелъ въ Шотландію для утвержденія на тронѣ Іоанна Баліола; но Сирь Алланъ, не смотря на опличную свою храбрость, не могъ сокрыть своей главы отъ неизбежныхъ стрѣлъ смерти: онъ былъ пораженъ на полѣ сраженія въ то самое время, какъ мужественно сражался за независимость своего опечества.

Смѣлое сопротивленіе, которое Сирь Алланъ не прешавалъ противуполагать намѣреніямъ Англичанъ, и блистательные успѣхи, одержанные имъ надъ ними, сдѣлали его главнымъ предметомъ ихъ ненависти и мщенія. Вскорѣ послѣ его смерти Замокъ его былъ взятъ и срытъ до основанія войсками Эдуарда; они умертвили съ ужасною лю-

постію всѣхъ въ немъ находившихся, кромѣ Лади Макдональдъ и Губерта, копорые съ великимъ трудомъ были спасены начальникомъ непріятелей и опосланы тайно плѣнными въ Лондонъ. Въ Шотландіи думали, что Лади Макдональдъ и Губерто погибли оба въ семь бѣдствіи.

Въ тѣсной темницѣ уединенной башни природныя добродѣтели Губерта Авиңцы получили болѣе блеска, лѣта раскрыли мало по малу пылкость его души, и уже въ спрашную сію эпоху дѣятельный и пронизательный разумъ его начиналъ озаряться лучами просвѣщенія. Лади Макдональдъ почла за долгъ открыть ему тайну его рожденія и обстоятельствва, сообщенныя Алзарромъ до отъѣзда его Сирь Аллану. При семь повѣствованіи онъ чув-

сповоалъ волненіе , какое испыталъ бы и человекъ спарѣ его лѣпами и опышно-стію.

Съ тѣхъ поръ какъ Лади Макдональдъ лишилась своего супруга и попалась въ руки дерзкаго и злобнаго непріателя , былъ онъ ни къ чему нечувствительнъ. Юное его сердце препенало отъ негодованія при насмѣшкахъ и злобной радости тюремныхъ стражей надъ горестію несчастной этой женщины. Часто въ сіи горестныя минуты Губерто , обрапя глаза свои на нее съ нѣжностію , проливалъ слезы гнѣва и сожалѣнія ; часто поцѣлуями руки своей благопворишельницы и клалъ блѣдное и омоченное слезами лицо свое на расперзанныя цѣпями руки ея. Каждый день передъ тѣмъ временемъ , какъ

она ложилась спать, Авинцо съ великимъ стараніемъ разспилалъ солому, составлявшую уединенное ея ложе. Вечеромъ онъ охранялъ ее и испрашивалъ у Небесъ спокойнаго сна и пріятныхъ сновидѣній горестной своей подругѣ; потомъ, ложась самъ подлѣ нее на полу пюръмы, думалъ съ горестію объ Алзаррѣ, о родителяхъ, которыхъ лишился съ самаго рожденія, просилъ Бога о благополучіи ихъ и просыпалъ спокойно до разсвѣта дня.

Такимъ образомъ протекло много мѣсяцовъ, и здоровье Лади Макдональдъ, уже давно слабое, неспособно будучи пропившись болѣе горестями и бѣдъ, ея угнетавшимъ, подверглось наконецъ внутренней горячкѣ, испребившей мало по малу всѣ остававшіяся у ней силы.

По слабости, ежеминутно увеличивавшейся, узнала она близкое свое разрушение. Въ одинъ вечеръ, какъ Губерто, по обыкновенію, старался усладить ея сраданія, Лади Макдональдъ говорила ему слѣдующее :

„Авинцо, любезный сынъ! я люблю называть эпимъ именемъ ; я чувствую, что дожила до той минуты, которая, прекративъ мои сраданія, лишитъ тебя единственной опоры, тебѣ опирающейся, и повергнетъ одного и безъ вождя въ бурное море свѣта. Эта мысль, любезный Губерто, заставляетъ меня спрашиваться приближенія смерти; она одна прогоняетъ улыбку радости на умирающихъ устахъ моихъ при мысли, что скоро соединюсь съ супругомъ моимъ. Слушай, любезный Авинцо, и

помни послѣднія мои слова. Пространное поприще жизни открываешь передъ побою. Я не сомнѣваюсь, чѣмъ ты не будешь съ горячностью привязанъ къ добродѣтели, но не могу защитить себя отъ нѣкотораго ужаса, когда думаю о кипрцахъ оболъщеніяхъ, которыми окружають доброе и окровавленное сердце молодого неопытнаго человѣка. И такъ берегись, Губерно; смѣйри за собою, сынъ мой, и помни особливо мои наставленія. Увы! вдова Сиръ Аллана можетъ ославить шебѣ одни только совѣщанія.“

Леди Макдональдъ замолчала. Она вынула записную книжку, которую до того времени скрывала отъ него, и кольцо съ драгоценнымъ камнемъ, на которомъ искусно вырѣзаны были щипъ, гербъ, шлемъ и девизъ старинной

Фамиліи Макдональдовъ. Она прижала сперва къ своимъ уснамъ сей драгоценный залогъ иѣжности свѣго супруга и, подавая его Авианцѣ, велѣла носить его, когда достигнетъ зрѣлыхъ лѣтъ, послѣ чего открыла записную книжку и продолжала слѣдующимъ образомъ:

„Смерть моего супруга, храбраго Сиръ Аллана, конечно не вышла и не выдетъ никогда изъ моей памяти. Не безъизвѣстно тебѣ, сынъ мой, за какую знаменитую причину пролилъ онъ кровь свою и за что до сихъ поръ мы страдаемъ. О Губерто! естли душа твоя сохраняетъ еще сію драгоценную любовь къ славѣ, обладающую побою, не смотря на юность твою, то не оставляй любезнаго моего опечества, будь другомъ Роберта Брюса, этого

Короля, любви и гордости Шотландіи. Неси оружіе: только для ниспроверженія честолюбивыхъ и пиранскихъ замысловъ Эдуарда; возьми эту записную книжку, любезный Авиццо, и когда меня не будетъ, то посвящи первыя свои старанія къ полученію вольности, бѣги изъ ненавистной этой земли и возвратись въ любезную страну, гдѣ я родилась, гдѣ тебя приняли въ дѣтствѣ и гдѣ ты нашелъ кровопителей. Соединись съ Робертомъ Брюсомъ и храбрыми его партизанами, которыхъ начальника увидишь ты въ юномъ Лордѣ Валшерѣ. Отдай послѣднему эту книжку; она содержишь сокращенныя обстоятельствова пайны, сопровождавшей свое рожденіе, и не заключаетъ въ себѣ ничего, Губерто, что могло бы

бышь тебѣ невыгодно. Къ симъ подробностямъ присоединена дача всѣхъ земель Сиръ Аллана Макдональда, копорымъ онъ могъ располагать по своей волѣ и съ копорыхъ ты получишь значный доходъ, естли дѣла Шотландіи кончашся такимъ образомъ, что тебѣ можно будетъ представить свои права. Она писана собственною его рукою и запечатана печатью его. Описание моихъ страданій предославляю тебѣ, Авинцо. Давно уже знаютъ и оплакиваютъ горестную судьбу возлюбленнаго моего супруга; пусть найдеть, онъ въ тебѣ мстителя. Скажи молодому Валперу, что послѣдняя моя молитва къ Богу была за тебѣ и за него, потому что сей достойный рыцарь есть сынъ сестры, всегда любезной моей памяти, хотя много

уже прошло льпть съ пѣхъ поръ, какъ безжалостная смерть, не уважая ея добродѣшелей, молодоспи и красоты, погрузила ея во мракъ гроба.“

Въ продолженіе сей длинной рѣчи Лади Макдональдъ, прерываемой часто слезами, копорья, казалось, испощили и послѣднія ея силы, Губерто, пронупый любовію и признапельноспію, смотрѣль на нее со вниманіемъ. Онъ едва смѣль выпускаеть рыданія, задушавшія его, чшобы лучше вникнуть въ послѣднія слова своей благодѣшельницы.

Когда она перестала говорить, то Авинцо схватилъ препещущія руки Лади Макдональдъ и прижалъ ихъ къ своимъ устамаь. Онъ хотѣль выразиеть чувствованія, сражавшіяся въ его душѣ, но источникъ слезъ прервалъ

его. Поднятые къ небу глаза и прерывистые вздохи были все, что могъ онъ выразить въ изъявленіе своей горести.

Къ концу дня внутренняя горячка, увеличившаяся до такой степени, что едва не лишила Лади Макдональдъ ума и чувствъ, почти вдругъ пропала. За нею последовала смертная дрожь, ужасная предвѣстница близкой смерти.

Тщешно въ сію ужасную минуту Авинцо воздѣвалъ къ небу умоляющія руки, тщешно призывалъ онъ на помощь людей и заклиналъ самымъ прогашельнымъ образомъ сторожа, стоявшаго за дверью шюръмы: непреклонный шюремщикъ продолжалъ прохаживаться по темному корридору, не показывая ни малѣйшаго сожалѣнія, не

прогаясь слезами отчаянія и послѣдними спонами смерти.

Лади Макдональдъ проводила часть ночи въ совершенной безчувствительности и, вышедши изъ оной, вдругъ схватила, съ выразительнымъ пожатіемъ, сложенные руки Авиинца, прижимала ихъ къ оледенѣвшей своей груди и вскричала:

„Милосердый Боже! прими послѣдній мой вздохъ и возьми подъ Свое покровительство несчастнаго и добродѣтельнаго сего младенца.“

Она перестала говорить; но уста ея были еще въ движеніи, глаза ея, обращенные къ небу, были неподвижны и помны, біеніе жилъ прекратилось и сердце ея не билось уже подъ рукою Губерта! Увы! душа ея

оставила уже временное свое пребываніе.

Распроспертый подлѣ бездыханнаго шѣла Лади Макдональдъ, Губерто долго былъ погруженъ въ мрачной и нѣмой горести, кошорая, казалось, дѣлала его неспособнымъ ни къ какому ощущенію и ни къ какому размысленію. Первые лучи дня, освѣпивши снова темницу, шзвлекли его изъ сего оцѣпенѣнія, кошорое по крайней мѣрѣ претяпствовало ему чувствоватъ свое нещасіе.

Въ то время, какъ принесли пищу, назначенную плѣнникамъ, взяли и хладныя оспашки Лади Макдональдъ. Надобно было употребить усиліе, чшобы отвлечь оцѣ нихъ нещаснаго Губерто. Пришедши въ себя, чувствовала оцѣ только все нещасіе своей понериц

горестное свое положеніе. Тогда слезы его потекли съ изобиліемъ. Кому въ споль жестокою минушу ввѣришь ему горести свои? кому описать его опчаяніе и крайность его нещастія? Робкіе его взоры тщетно искали почтенный и любезный образъ, котораго видъ даже и теперъ принесъ бы ему можетъ быть нѣкоторое утѣшеніе. Увы! глаза его видѣли только хладныя и нечувствительныя стѣны уединенной своей темницы.

Авинцо былъ цѣлый день сокрушенъ своею горестію. Наконецъ, испощенный жестокою своею печали, онъ заснулъ на полу темницы.

Едва закрылись его глаза, какъ онъ увидѣлъ во снѣ Ладі Макдональдъ, стоящую передъ нимъ прекраснѣе, нежели была во время своего

благополучія ; лицо ея было оживлено улыбкою радости и доброты , блиставшей обыкновенно на устахъ ея до смерти Сирь Аллана , нѣжнѣйшаго своего супруга. Она, казалось, смотрѣла на него съ пріятностію , и Губерто думалъ , что слышитъ опъ нее сіи слова :

„Вспомни, сынъ мой, что опредѣленія Небесъ справедливы и непреложны, что никакое твореніе не можешь избѣжать смерти. Полно плакать о моей, любезный Авинцо, покорись повелѣнію Всесильнаго , Который хощеть разлучить меня съ тобою. Имѣй, о сынъ мой ! болѣе власти надъ собою и не теряй въ бесполезныхъ сожалѣніяхъ драгоценнаго и невозвратнаго времени.“

Призракъ пропаянулъ къ нему съ улыбкою руку свою, и

вдругъ шѣнь Сирь Аллана явилась подлѣ шѣни Лади Макдональдъ, смотря съ иѣжностью на Губерто. Наконецъ они исчезли въ воздухѣ, а Губерто, погруженный въ глубокой сонъ, проснулся съ утренняя зарею.

Воображеніе его было еще наполнено ночнымъ сновидѣніемъ. Будучи послушенъ полученнымъ совѣщаніемъ, сражался онъ цѣлый день съ тяжкими размышленіями, предсавлявшимися непременно его уму; молишва и покорность П р о в и дѣ н і ю облегчили наконецъ его горести. Чшобы совершенно разсѣять слишкомъ тяжкіи воспоминанія, онъ разсмапривалъ совниманіемъ собственное свое положеніе. Лишеніе свободы казалось ему несноснымъ; всѣ желанія его крутились къ полученію сна.

Ко всякой другой мысли былъ онъ съ пѣхъ поръ равнодушнъ; вскорѣ пылкая душа его родила тысячу предпріятій, изъ которыхъ ни одно не могло быть удачнымъ, не смотря на чрезвычайное благо-разуміе, употребленное имъ въ исполненіи. Наконецъ щастіе доставило ему случай, котораго онъ такъ долго искалъ.

Точно въ то время въ Лондонскія стѣны прибыло великое множество благородныхъ Шотландцовъ, взятыхъ въ плѣнъ Королемъ Эдуардомъ. Всѣ темницы столицы были наполнены вѣрными и нещастными товарищами оружія храбраго Валлиса, начальствовавшаго сильною арміею въ Шотландіи.

Амбруазъ де Ландабаръ, спорожь башни, въ которой сидѣлъ Губерто, часто слышалъ

отъ Лади Макдональдъ до ея смерти, что молодой Авинцо родился въ Испалім и, какъ по происхожденію своему, такъ и младенческимъ лѣтамъ, не имѣлъ участія въ безпокойствахъ Шотландіи. Молодость Губерпа, прекрасныя черты лица его, пріятное обхожденіе прозвали тюремщика въ его пользу. Амбруазъ взялъ его подъ свое покровительство; а по случаю внезапнаго приращенія плѣнныхъ, имѣлъ онъ удобность освободить Авинцу изъ пюръмы, посадивъ на его мѣсто другихъ, кои упорнымъ сопротивленіемъ своимъ заставляли поступать съ ними съ величайшею суровостію.

Авинцо, будучи въ нетерпѣннѣи увидѣвъ опять любезную страну, которую могъ почти считать за

Истинное свое отечество, горя желаніемъ опмстить за бѣдствія Шотландіи и за смерть знаменитыхъ ея защитниковъ, покушался многократно перелѣзть чрезъ стѣны своей тюрьмы; но, видя бесполезность своихъ усилій, прибѣгнувъ наконецъ къ хитрости, средству, которое отвергло его сердце, но было извинительно въ его положеніи. И такъ онъ прилагалъ всевозможныя спасанія, понравившись Амбрузу, смопрителю крѣпости; но, получивъ успѣхъ сверхъ своей надежды, онъ только, такъ сказать, связалъ крѣпче свои оковы. Въ самомъ дѣлѣ Амбрузъ, прельстясь привязанностію Губерта и тѣмъ болѣе пронувшій дружбою сего юноши, что самъ былъ чуждъ сему чувству, такъ его полюбилъ, что не остав-

лялъ его одного ни на мину-
ту и, не смотря на труд-
ную обязанность своего зва-
нія, хотѣлъ, чтобы Губер-
то всегда былъ съ нимъ не-
разлученъ.

Такимъ образомъ Авинцо,
оставленный съ самаго рож-
денія, осиротѣвшій съ нѣж-
наго возраста, увезенный да-
леко отъ своихъ родителей и
сироты, гдѣ получилъ жизнь
свою, принятый два раза
благородными смертными и
два раза горестно разлучен-
ный съ обоими своими покро-
вительями, лишенный вскорѣ
послѣ того свободы, бывшій
свидѣтелемъ страданій и
смерти той, которую любилъ
какъ мать, сдѣлался нако-
нецъ поварищемъ нечувстви-
тельнаго тюремщика. Посре-
ди сихъ то удивительныхъ
превращенностей, черезъ при-
дольгіе года печальнаго пре-

быванія въ пюръмѣ съ Амбрузомъ, новымъ своимъ покровицелемъ, Авинцо доспигъ семнадцатаго года.

Всѣ ласкавшія его допояль надежды мало по малу исчезли и казались погасшими въ его душѣ. Единственнымъ и пріятнѣйшимъ его упражненіемъ было услаждать, сколько могъ, спраданія тѣхъ, копорыхъ горестную участь оплакивалъ онъ вшайнѣ.

Однажды ввечеру, прежде нежели легъ спать, осматривалъ онъ, по обыкновенію, плѣнныхъ съ Амбрузомъ. Проходя мимо пюрьмы одного несчастнаго, вниманіе Губерта было особенно привлечено горестными стопами. По просьбѣ его смотритель остановился. Они слышали, что несчастный стонящимъ голосомъ просилъ немного во-

ды для погашенія жару, который жестокая горячка возжгла въ его жилахъ.

Амбруазъ хотѣлъ идти, не слушая его; но Губерто соединилъ свои просьбы съ просьбами плѣнника, и принудилъ его отворить дверь пюрьмы. Они вошли и при свѣтѣ лампы, повѣшенной на стѣнѣ, примѣтили человека при послѣднемъ издыханіи, одержимаго конвульсіями.

Губерто, схвативши Амбруаза за руку, просилъ умоляющимъ голосомъ позволенія дать сему несчастному помощь, которой онъ пребо-валъ. Съ трудомъ получилъ онъ согласіе. Тотчасъ, взявъ свою лампаду, побѣжалъ онъ съ кружкою и въ минушу возвратился. Но когда Губерто вошелъ, то каково было его удивленіе и ужась, увидя Амбруаза разпростертаго безъ

движенія на полу и не найдши болѣе плѣнника, котораго почиталъ умирающимъ!

Опомнясь опть перваго удивленія, разсмотрѣль онъ внушенность спѣны и нашель подлѣ шрупа дымящійся еще кинжалъ. Онъ увидѣль также при свѣтѣ лампы, что рѣшетка въ окошкѣ была изломана. Тогда онъ не сомнѣвался, чшобъ плѣнникъ не ушелъ; все доказывало въ самомъ дѣлѣ, что жалобы сего послѣдняго была одна хитрость, дабы удалишь одного изъ тюремщиковъ и потомъ напасть въ отсутствіе другаго на оставшагося съ нимъ.

Но другая мысль привела Авинцу опять въ смущеніе. Размышленіе, что можеть бытъ убіеніе Амбруаза припишуть ему, привело его

въ ужасъ. Положеніе его стало-
вилось опаснымъ, и бѣгство
казалось единымъ средствомъ
къ его спасенію. Желаніе и
надежда свободы соединились
въ душѣ его съ справедливымъ
страхомъ. Онъ рѣшился слѣ-
довать примѣру плѣнника,
вскочилъ на окно и остано-
вился на минутку; темнопа-
ночи препятствовала ему раз-
личить вышину стѣны и
разстояніе, которое надобно
было перепрыгнуть. Нако-
нецъ, рѣшившись пренебречь
опасность, поднялъ глаза къ
небу и, по краткой молитвѣ,
бросился изъ окна, препору-
чая судьбу свою на волю Бо-
жью.

Г Л А В А V.

Губерто пробыль нѣсколь-
ко времени безъ памяти, хо-
тя по щаспію опъ прыжка
въ окно не получилъ опаснаго
удара. Мало по малу силы его
возвратились, и онъ вспаль
черезъ нѣсколько минушь, бу-
дучи все еще слабъ опъ же-
спокосми паденія. Пора бѣ-
жать; но какъ выдти изъ
Лондона? какъ скрыться опъ
часовыхъ, копорые споями
вокругъ на валахъ? какъ выд-
ти изъ городскихъ воротъ,
когда они были заперты какъ
для иностранцовъ, шакъ и
самыхъ жителей города?

Пораженный сими пре-
пятствіями, продолжалъ онъ
идти, не зная самъ, какой
принять планъ и по какой
дорогѣ.

Размышляя такимъ образомъ, онъ поднесъ машинально руку ко лбу и почувствовалъ давленіе перспиня, даннаго ему Лади Макдональдъ; въ то же время вспомнилъ онъ о записной книжкѣ, которую носилъ всегда на груди, и началъ ее искасть, но бесполезно.

Огорченный сею попереею и не думая, какой подвергается опасности, Авинцо ворочился назадъ и искалъ ее съ великимъ спараніемъ. По нѣсколькихъ запрудненіяхъ пришелъ онъ опять къ башнѣ, изъ копорой выскочилъ; глубочайшее молчаніе царспивовало вокругъ, слабый свѣшь, выходявшій изъ окощка, заставилъ его судить, что тревоги еще не дѣлали и что привратники башни не ходили дозоромъ и не оп-

крыли окровавленнаго трупя Амбруазова.

Губерто искалъ долго безъ успѣха ; наконецъ драгоценная записная книжка попалась ему въ руку въ эту минуту, когда онъ опчаялся сыскашь ее. Онъ схватилъ ее съ восшоргомъ и прижалъ къ своему сердцу. Вдругъ сильный свѣсъ блеснулъ въ оконцкѣ башни и послышался смѣшанный шумъ многихъ головъ. Спустия малое время послѣ того загремѣлъ въ башнѣ набашъ и въ крѣпости все пришло въ движеніе.

При сей грозящей опасности первую мысль Губерта было бѣжать ; но минуша размышленія скоро убѣдила его , что , спрятавшись какъ можно ближе къ шюръмѣ, онъ не такъ скоро будетъ опкрытъ, пошому что вѣроят-

но искашь будущъ въ далекомъ разспояніи ошь спѣны.

И такъ Авинцо спѣшилъ оставишь мѣсто, въ копоромъ находился, и былъ такъ щаспливъ, что нашель небольшое углубленіе въ одномъ изъ конпрфорсовъ, копорые подпирали башенныя спѣны, съ великимъ трудомъ влѣзъ въ него, и почти въ шу же минути нѣскольکو полковъ солдатъ вышли изъ крѣпости и раздѣлившись пошли по разнымъ направленіямъ въ догоню за плѣнникомъ, копорого подозрѣвали въ умерщвленіи Амбруаза.

Губерто провелъ остатокъ ночи въ семь пятгоспномъ положеніи, будучи обладаемъ живѣйшимъ безпокойствомъ и самыми гореспными размышленіями; наконецъ съ шрепешомъ услышалъ, что солдаты приближались. Они

прошли очень близко отъ его убѣжища, и онъ могъ ясно различать черны нещаснаго бѣглеца, котораго вели они въ цѣляхъ и, можетъ быть, накажутъ за то, что осмѣлился освободиться.

На самомъ разсвѣтѣ Авинцо разсудилъ за благо оставить свое убѣжище и попробовать, не лѣзя ли перелѣзть чрезъ городскія стѣны. Осмотрѣвшись съ безпокойствомъ около себя и увѣрившись, что никто его не увидитъ, вышелъ онъ изъ своего убѣжища и пошелъ скорыми шагами къ Сѣвернымъ ворунамъ. На дорогѣ встрѣтился онъ съ толпою работниковъ, изъ которыхъ одни несли на плечахъ своихъ попоры и пилы, а другіе подсыя дубовыя доски.

Губерно подошелъ къ одному изъ нихъ, который по

своимъ лѣшамъ, казалось, былъ не въ состояннн несши пягоспъ, подѣ которою онъ гнулся, и спросилъ его, куда онъ идетъ. Старикъ отвѣчалъ, что со многими другими идетъ онъ починивашъ близъ Сѣверныхъ воропъ нѣкопорыя часли наружныхъ укрѣпленнй, отъ ветхости развалившнся.

Тронутый сожалѣннемъ при видѣ старости сего добраго человека, кощораго бѣлые волосы были всѣ въ поту, Губертъ вызвался облегчить часть бремени, его угнетавшаго. Старикъ послѣ нѣкопорыхъ отговорокъ согласился на это, и Авинцо, вмѣшавшись въ толпу работниковъ, прибылъ къ городскимъ ворошамъ, не внушивъ никакого подозрѣнн. Солдаты, оберегавше проходъ, поспоронились, увидя работниковъ,

и пропустили ихъ, поклонившись имъ дружески. Такимъ образомъ случай и просное чувство человеколюбія доставили Губершу свободу. Онъ былъ тѣмъ болѣе щасливъ, что наканунѣ того дня далъ Коммандантамъ постановъ спрочайшіе приказы не пропускать ничего безъ внимательнаго осмотра. По причинѣ великаго числа Шотландскихъ плѣнныхъ, предосторожность сія совершенно была необходима.

Губершу проводилъ рабонниковъ до мѣста ихъ работы и распрощался потомъ съ ними, принявъ искреннія благодаренія отъ спарика и похвалы его поварихей, которые отпустили его безъ малѣйшаго подозрѣнія.

Авинцо, не страшась болѣе погони, которой было ему столь трудно избѣжать

въ Лондонѣ, шель съ поспѣшностію и избѣгалъ пѣхъ мѣспъ, гдѣ могли бы его примѣшпъ. При захожденіи солнца остановился онъ, чптобы вкусишь пищу, въ копорой имѣль нужду.

Пришедши къ одной хмжинѣ, на краю проспраннаго лѣса, постучался онъ въ двери и попросиль убѣжища. Женщина отворила ему и сдѣлала ласковой пріемъ. Когда онъ сказалъ ей, что чувствуюеть великую нужду въ пищѣ, то она подала ему весь свой деревенской запасъ. Авинцо, пронупый простпою и чистосердечною пріятностію ласковой своей хозяйки, не преспаваль, уполяя жестпокой свой голодь, оказывапъ ей за то свою признашельность. Когда онъ оканчиваль свой ужинъ, то молодой мужикъ пріятнаго вида во-

шелъ въ хижину съ другимъ постарѣе его. Оба они гнулись подъ бременемъ, которое несли на своихъ плечахъ. Губерто примѣнилъ скоро, что это мужъ и сынъ женщины, оказавшей ему госпепрїимство. Сложивши съ себя ноши, поклонились они госпю и пожали ему руку съ дружескимъ видомъ и деревенскою простотою.

Поговоривши нѣсколько, Авинцо принужденъ былъ имъ признаться, что вышелъ поутру изъ Лондона и идетъ въ армію Эдуарда на границы Шотландіи. Старикъ очень хвалилъ его намѣреніе и сказалъ ему, что она находится болѣе сорока миль отъ столицы. Онъ просилъ его провести ночь въ хижинѣ. Губерто принялъ сіе предложеніе, и началъ выхвалять подвиги и неустрашимость Ко-

роля Англинскаго, и что желалъ искренно, дабы онъ усмирить бунтовщиковъ Шотландцевъ.

Сей образъ мыслей не согласовался съ чувствіями Авинцы. Однакожъ онъ не прошиворѣчилъ желаніямъ и мнѣнію мужика, котораго почель способнымъ оказатъ столько же ненависти, сколько оказывалъ онъ въ сію минушу дружбы, есѣли бы узналъ онъ истинныя чувства своего гостя.

Ночь покрыла уже всѣ предметы своею пѣнью, когда семейство пошло на покой. Губерто раздѣлялъ постель съ молодымъ мужикомъ, который ввечеру во время разговора изъ являлъ много разъ желаніе носить оружіе за свое опечесство, есѣли на то согласится мать его. Авинцо скоро заснулъ крѣпко

и пробудился на другой день съ пѣніемъ пѣпуховъ. Тогда оставилъ онъ деревенскую постелю и просился съ хозяевами. Они подали ему позавтракать, показали дорогу, по которой ему должно идти, и пожелали щастія и успѣха. Губерто продолжалъ попомъ путь свой.

Въ шесть слѣдующихъ дней много разъ заспигала его ночь и принуждала искать убѣжища подъ вѣтвями деревьевъ. Ввечеру седьмого дня, перешедши черезъ рѣку Теесъ, выше Ричмонда въ Йоршкрѣ, заблудился онъ въ густомъ лѣсу, на одномъ краю котораго протекала быспрая рѣка.

Тщетно Губерто бросалъ около себя безпокойные взгляды, чтобы увидѣть какое нибудь жилище, гдѣ могъ бы скрыться отъ наступающей

ночи, которая угрожала быть дурною. Черныя и густыя облака собирались съ Юга и предвѣщали страшную грозу. Вскорѣ исчезло послѣднее мерцаніе солнца. Небесная лазурь сокрылась въ ужасномъ мракѣ. Яростный вѣпръ возмушилъ воздухъ и колебалъ сильно древнія деревья лѣса. Губерно, не смотря на бурю, все шелъ, рѣшившись, естьли не найдеть жилища, искать въ сихъ дикихъ мѣстахъ убѣжища, гдѣ бы могъ укрыться отъ жестокости ночи. По мѣрѣ, какъ онъ входилъ въ глубину лѣса, вѣтеръ дѣлался порывистѣе, раскаты грома сильнѣе и ближе. Дождь началъ уже лишь, но никакая хижина не представлялась его виду.

Авинцо, исцарапанный колючимъ терновникомъ, измученный высокою правою,

которая зашлепывалась въ его ногахъ и умедляла ходъ, не зная куда идти, въ глубокой темнотѣ, окружавшей его, продираясь при блескѣ молній сквозь кустарники почти непроходимые, и вдругъ очутился въ пространной долинѣ и примѣтилъ не въ дальнемъ разстояніи развалившіяся башни, составлявшія по видимому часть весьма обширнаго Замка.

Пришедши скоро къ древнему сему Замку, онъ прошелъ черезъ пространный дворъ сѣни и многія развалившіяся комнаты. Онъ остановился при входѣ на каменную лѣстницу, которая по видимому сообщалась съ подземельями, находившимися подъ сводами зданія.

Все показывало, что онъ въ давнее время необи-
 аны. Дѣла въ проходиль со всѣхъ

сторонѣ сквозь готическія окна и развалившійся пополокъ. Въперѣь былъ въ длинныхъ переходахъ и всякой разѣ опрывалъ нѣкоторыя куски, падавшіе съ трескомъ на дворъ. Эхо сего уединенія повторяло удары грома ужасно протяжно. Между тѣмъ Губертъ, рѣшившись провести ту ночь, собралъ наскоро въ части лучше защищенной нѣкоторыя оспазки старыхъ мебели и почти согнившіе обрывки обоевъ. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ родъ постели и легъ на нее, чтобъ дать отдохновеніе утомленнымъ своимъ членамъ, и заснулъ.

Нѣсколько часовъ онъ спалъ спокойно; но потомъ крайняя усталость, волненіе души, или даже шумъ бури, которая продолжала еще не-исповспывать, прерывали

сонъ его. Странныя и тяж-
госпныя сновидѣнія весьма
его беспокоили. То думалъ
онъ, что находится все еще
въ Лондонской башнѣ подлѣ
Амбруаза; злобный плѣнникъ
бросился на него съ кинжа-
ломъ, и по шрудномъ бореніи
удалось ему защищипъ жизнь
свою опъ убійцы; по, вы-
рвавщисъ изъ башни, бѣжалъ
онъ черезъ поле и съ шру-
домъ укрывался опъ люпыхъ
солдашъ, посланныхъ за
шѣмъ, чтобы его пойманъ и
вести на казнъ. Послѣдній
сонъ особливо сдѣлалъ надъ
нимъ глубокое впечатлѣніе и
никогда не выходилъ изъ его
памяти.

Ушомленный, понуждае-
мый приближающеюся ночью,
Губерто думалъ, что онъ
еще посреди лѣса, черезъ ко-
торый шель вечеромъ. Буря
заспала его. Онъ съ шрудомъ

подходилъ къ древней развалившейся башнѣ. Когда приблизилъ туда и сошелъ въ мрачныя подземелья, взорамъ его предспавилось ужасное зрѣлище. Спрашныя колдуньи, увѣнчанныя змѣями и собравшіяся при свѣтѣ похоронной лампы около огромнаго кошла, схватили его и, по окончаніи погребальной церемоніи, напомнили ему объ исторіи его дѣтства и предвѣщали на будущія времена чрезвычайныя приключенія. Онъ долженъ былъ сражаться храбро за своего Государя, спасти ему жизнь, утвердиль на престолѣ, сыскать наконецъ своихъ родителей и достигнуть высочайшей степени щасія и славы. Вдругъ за этими пророчествами послышался страшный ревъ, лампада угасла, колдуньи пропали въ пламени,

и сильный ударъ грома, сопроложенный жестокииъ прескомъ, попрысцииъ сильнo Губерта на постели, пробудиль его. Онъ открыль глаза и увидѣль, что часпъ комнапы, въ которой онъ находился, съ прескомъ обрушилась. Спрахъ объяль его, онъ влѣвъ на окно, бывшее подлѣ его постели, и выскочилъ на дворъ. Едва спаль онъ на землю, какъ пополокъ комнапы, въ которой онъ спаль, и часпъ спѣны провалились съ ужаснымъ громомъ въ глубокія подземелья, находившіяся подъ ними.

Г Л А В А VI.

Разъяренные вѣпры престали уже свирѣпствовать, въ воздухъ не раздавались

уже страшные раскаты грома и быстрая молнія не раздирала облаковъ, дождь не лился потоками, ночное свѣтило снова озаряло блѣдными лучами своими погруженную въ молчаніи природу и приносило съ собою нѣжныя мысли и пріятную меланхолію.

Губерто, опомнясь ошъ перваго своего страха, задумавшись и подпирая голову рукою, чувствовалъ удовольствіе, смѣшанное съ горестію, при видѣ спокойствія природы, которое дѣлало такой разительный контрастъ съ яростію необузданныхъ стихій и страшною опасностію, ошъ которой онъ избавился. Пораженный послѣднимъ сномъ и блестящею предсказанною ему будущею участію, съ чувствами признательности

къ Божескому промыслу, сохранившему очевидно жизнь его и за минушу избавившему почти оупь неизбѣжной смерти, онъ просперся на землѣ и съ жаромъ благодариль Милосердаго.

Между тѣмъ Аврора начинала позлащать пурпуромъ Воспокъ и уже птицы поздравляли изъ мшистыхъ своихъ гнѣздъ блестящее свѣтило дня. Авиндо весело удалялся оупь развалинъ спараго Замка, вошелъ въ лѣсъ и продолжалъ свой путь въ прохладныхъ тѣняхъ онаго.

Прошедши нѣскольکو времени, увидѣлъ онъ многихъ дровосѣковъ, занимавшихся своею работою. Губерто подошелъ къ нимъ и спросилъ, куда ведетъ дорога, по которой онъ намѣренъ быть идти. Онъ узналъ оупь нихъ, что эта дорога была

къ Шидстону и находится за шестидесять миль отъ береговъ рѣки Твидъ. Также работники уведомили его, что еще далеко до жилаго мѣста, и что деревня ихъ лежитъ за четыре мили отсюда, въ направленіи противномъ тому, которому онъ слѣдовалъ, и предложили ему часть пищи, принесенной ими въ лѣсъ. Губерто согласился на это съ радостію и, изъявивши имъ свою признательность, продолжалъ свой путь, и вскорѣ потерялъ ихъ изъ виду.

Черезъ нѣсколько часовъ Авинцо вышелъ наконецъ изъ лѣсу и увидѣлъ обширную деревню.

Вдали, по правую руку, возносили свои главы высокія колокольни Дургемскаго собора, блистая отъ солнечныхъ лучей; по лѣвую ста-

рый Замокъ, окруженный
стѣнами и глубокими рвами,
выходилъ изъ мрачныхъ
листвевъ лѣса; передъ нимъ
разбѣянная памъ и сямъ де-
ревни и села перемѣняли
картину; а на краю въ оп-
даленіи древніе шпицы мо-
настыря, къ копорому дро-
восѣки совѣшовали Губерну
направишь путь свой, окан-
чивали сей живописный ланд-
шафъ.

Авинцо поспѣшилъ, и къ
концу дня пришелъ къ воро-
шамъ монастыря, обитаема-
го монахами Ордена Святаго
Креста. Его впустили и обо-
шлись съ нимъ госпепрѣимно.
Почтенные ошцы сказали
ему, что онъ прошелъ отъ
восхожденія солнца почти
сорокъ скучныхъ и долгихъ
миль. Монахи дали ему, по
милоспивымъ правиламъ сво-

ей обитали, поспелю, копто-рою онъ весьма обрадовался.

На другой день рано по утру Губерто вспаль и пошелъ въ церковь къ обѣднѣ. Монахи повели его попомъ въ прапезу, гдѣ онъ нашель сыпной обѣдъ. Онъ просиль ихъ увѣдомить его о положеніи войскъ Эдуарда, и узналъ, что они разсѣялись по разнымъ пунктамъ Шотландскихъ границъ, но особенно подлѣ Графства Норпумберландскаго, попому что многіе корпусы Англинской арміи находились тогда на кварширахъ по сосѣдству Бервика на Твидѣ.

Извѣстія сіи рѣшили потчасъ Губерто ийти къ Кумберланду, въ надеждѣ пройти легче съ сей стороны въ Шотландію и скрыться отъ надзора Англинскихъ посповъ.

Запасшись на дорогу разными припасами, которые принудили его принять добрые советы, в той мысли, что онъ идетъ въ Эдуардову армію, и получивши благословеніе отъ Настоятеля, Авинцо пошелъ и приприворился, будто хочетъ идти въ Бервикъ на Твидъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ; вышедши изъ монастырскихъ воротъ, повернулъ влѣво и пошелъ на Лонгшовнъ, прилежащій къ границамъ Графства Кумберландскаго и граничащій съ Шотландскими полями, которые были столь желанною цѣлюю его путешествія.

Губерто шелъ цѣлый день не останавливаясь. Уже солнце сокрылось за горизонтъ, какъ онъ услышалъ вдали звуки военной музыки, которая то ярко доходила до

слуха его, то нѣжно умолкала въ гармоническихъ звукахъ вмѣстѣ съ спокойнымъ наступленіемъ вечера.

Авинцо узналъ, что находилъ очень близко отъ Англинскихъ войскъ, разставлявшихъ тогда ночные караулы впереди лагеря.

Крайнее благоразуміе сдѣлалось необходимымъ. Онъ долго колебался, пользоваться ли ему темнотою ночи, чтобы скрыться отъ Англинскихъ постовъ, или спрятавшись до восхожденія солнца, чтобы пробраться днемъ, не показывая вида, что хочетъ обмануть часовыхъ и имѣеть намѣреніе уйти за границу. Однакожъ невозможно было пройти днемъ, не бывъ примѣченнымъ; а если бы его поймали, то что могъ бы сказать о себѣ и какими средствами получить

бы опять свободу? какъ избѣжать, чтобъ не попастьъ въ тюрьму, или не быть записаннымъ насильно подъ знамена Эдуарда? Съ другой стороны темнота ночи подавала ему средства сокрыться отъ глазъ всѣхъ, и малое число часовыхъ, разсѣянныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, подавали ему надежду обмануть ихъ бдительность. И такъ послѣднее средство показалось ему благопріятнѣе къ исполненію его намѣренія.

Уступая симъ благоразумнымъ причинамъ, Губерпо пошелъ къ густому лѣсу, подъ тѣнью котораго ожидалъ съ безпокойствомъ часъ полуночи.

Г Л А В А VII.

Будучи въ безопасномъ убѣжищѣ, и мѣ избраннымъ, Губерто предавался размышленіямъ и воспоминалъ съ удивленіемъ странную судьбу своей жизни. Ни одно изъ обыкновенныхъ приключеній, составляющихъ жизнь большой части людей, не могло сравниться съ его происшествіями; каждое изъ нихъ напропивъ того имѣло нѣчто необыкновенное, содѣлывающее его особеннымъ существомъ, и казалось назначало его къ чрезвычайнымъ приключеніямъ.

Поѣвши запасу, даннаго ему при выходѣ изъ монастыря, Авинцо бросилъ кожаную сумку, въ которой онъ лежалъ, и спрягалъ бережно въ своемъ поясѣ кольцо и за-

писную книжку, послѣдніе подарки Лады Макдональдъ; попомъ спокойно пошелъ къ границѣ.

Хотя небо было весьма чисто, но ночь наступила шемная и, казалось, благопріиспшвовала его побѣгу. Черезъ часъ онъ могъ примѣшпшь ясно прошивъ себя многочисленныя палашки Англинской арміи. Тогда онъ поворошилъ влѣво и продолжалъ идти за лагеремъ, пока палашки показались ему рѣже и удаленнѣе одна отъ другой.

Черезъ нѣсколько минутъ Губершо услышалъ отдаленный голосъ въ лагерь; онъ прислушивался... Это былъ приказъ, кошорый давалъ Офицеръ, ставя карауль. Все скоро замолкло, и Авинцо, рѣшась пробраться за границу, пошелъ смѣло. Онъ скоро перешелъ чрезъ линію лагеря, не

бывъ примѣченъ и не встрѣ-
пивши на пути своемъ ни-
какого препяшствія. Уже по-
читалъ онъ себя внѣ опасно-
сти, сердце его билось опъ
радости при сладостной мы-
сли, что попираетъ нако-
нецъ ногами своими любезную
землю Шотландіи, столь дав-
но желанную. Внезапно ужас-
ный крикъ прерываетъ спо-
койствіе ночи, и спустя нѣ-
сколько минутъ значное чи-
сло солдатъ бросается съ
шумомъ по слѣдамъ его. Прон-
зительный звукъ трубы раз-
дается по воздуху, и потчасъ
Авинцу окружили непріятел-
ли. Будучи увѣренъ въ без-
полезности своихъ усилій,
онъ не думалъ сопротивляль-
ся. Опрядъ овладѣль имъ и
повелъ во внутренность ла-
гея. Оставивши его на нѣ-
сколько времени при входѣ
въ великолѣпную палашку,

повели его къ главному Офицеру, которому въ сію ночь поручено было смотрѣнь за безопасностію арміи.

Губерто спарался взять все присутствіе духа въ сей опасности. При видѣ своего судьи онъ не могъ защищиться опъ пріяшнаго изумленія и чувства надежды. Въ самомъ дѣлѣ лице его показывало, что ему было не болѣе двадцати одного года, и сквозь мужественную красоту его физіогноміи примѣненъ былъ видъ опкровенности, учтивства и челоуѣколюбія.

Молодой Офицеръ, котораго платье показывало челоуѣка знатнаго произхожденія, смотрѣлъ сперва нѣсколько времени съ участіемъ на Губерто и сдѣлалъ ему потомъ съ ласковымъ видомъ слѣдующіе вопросы :

„Отвѣчай, иностранецъ, кто ты? какая твоя должность?“

— Я называюсь Губерто Авиццо. Участь моя скитаться и внушать къ себѣ сожалѣніе. —

„Имя твое показываетъ, что ты родился не на здѣшнихъ островахъ.“

— Я родился въ Италіи. —

„По какому случаю зашелъ ты въ этотъ лагерь?“

— Я хотѣлъ выдти за границу въ Шотландію. —

„Но если ты бродяга и бѣднякъ, то кто заставляетъ тебя предпочесть Шотландію Англій?“

— Есть узы, привлекающія наши души къ вещамъ даже неодушевленнымъ. Въ Шотландіи былъ я принятъ въ ребячество, когда, будучи предметомъ ненависти, или отвращенія, меня изгнали

изъ отеческаго дома. И такъ я не могу не почитать и не любить земли, давшей мнѣ гостепріимство. —

„Кто таковы твои родители?“

— Я не знаю ихъ, отвѣчалъ Губертъ вздохнувъ. Потомъ разсказалъ ему вкратцѣ, какъ привезли его въ Шотландію, несчастной опѣздъ Алзарра, великодушное кровнелельство, данное ему Сирь Алланомъ Макдональдъ, славную смерть храбраго сего дворянина и кончину Лади Макдональдъ, приключенія, повергшія его въ бездну несчастій. Потомъ, умолчавъ о побѣгѣ своемъ изъ Лондона, присовокупилъ, что еслии ему дадутъ позволеніе отправиться въ Шотландію, то друзья Сирь Аллана Макдональда, знавшіе его въ дѣтствѣ, найдутъ средства оп-

правишь его въ мѣсто его рожденія. —

Офицеръ, казалось, размышлялъ нѣсколько минутъ объ опвѣтахъ Губерта; потомъ опвѣчалъ ему ласково: „Молодой иносранецъ! видь вашъ, поступки и разговоры имѣють характеръ испинны. Я ни мало не спану колебашься вѣришь имъ. И такъ подите съ Богомъ въ Шотландію; Британцы не воюють съ несчастными и беззащитными путешеспвенниками.“

Потомъ Офицеръ вынулъ изъ - подъ епанчи кошелькъ съ золотою монетою и передалъ Губерто примать его. Онъ подарилъ ему также прекрасный мечъ и приказалъ вывести его подъ прикрытіемъ конвоя за границу лагеря.

Авинцо хотѣлъ выразить признательность, чувствуемую имъ къ столь великодуш-

ному пеступку; но молодой Офицеръ, угадавъ его намѣреніе, пріятно улыбнулся и знакомъ головы просилъ его удалиться. Солдаты поспѣшась увели Губерша.

Первымъ спараніемъ Авинны было спросить солдатъ объ имени молодаго Офицера. Послѣ многихъ похвалъ о его храбрости и великодушіи, сказали они ему, что имя его Эдвинъ, что онъ сынъ благороднаго Шопландца и что особливья причины неудовольствія принудили его перейти въ службу Англинской арміи. Они сказали ему также, что приказанія Короля Эдуарда, касательно иностранныхъ, взятыхъ при переходѣ черезъ Англискіе пошты, были такъ строги, что онъ долженъ почипать себя щасливымъ, что его привели къ Сирь Эдвину, и

что другой Офицеръ непременно надѣлъ бы на него око-
вы, не позволивши и оправ-
даться.

Въ нѣкопоромахъ разсто-
яніи опъ окоповъ конвой,
проводившій Авинцу, сказалъ
ему, что онъ теперь на зем-
лѣ Шотландской и можетъ
покойно продолжать путь
свой. Когда потерялъ онъ
изъ виду солдатъ, то раз-
простерся на землѣ и облобы-
залъ въ восторгѣ радости
мѣсто своей родины. По крап-
кой молитвъ онъ вспалъ, бу-
дучи исполненъ надеждою и
живѣйшею радостію, и по-
добно плѣннику, который,
вышедши изъ мрачной пем-
ницы, не можетъ еще удо-
сповѣриться въ своей воль-
ности и бѣжитъ поспѣшно
опъ ужасныхъ ему спѣнь,
гдѣ спеналъ онъ споль долгое
время, Губерто спѣшилъ бѣ-

кашъ опъ сѣраны , котораѣ
только лѣтъ была для него
тѣсомъ рабства и горести.

При появленіи Авроры
Авинцо былъ уже далеко отъ
Англискихъ постовъ ; роди-
на его представляла ему во-
кругъ сѣрашную картину
оуспокоенія — неизбѣжныхъ
слѣдствій войны.

Всюду , куда ни обра-
щаль онъ взоры свои , видѣлъ
только пустыя хижины , оспа-
рленные несчастными жише-
лами , которые ушли и иска-
ли убѣжища во внутренно-
сти сѣраны . Однѣ были со-
вершенно разорены , и оста-
вались только сѣны , дру-
гіе были срыты наравнѣ съ
землею , или сдѣлались добы-
чею пламени . Тщепно Губер-
но бросаль вдаль свои взгля-
ды , никакое человѣческое
твореніе не представлялось
его взорамъ . Онъ продолжалъ

идти посреди сего обширнаго уединенія до впораго часу полудни; тогда достигъ онъ до нѣкопрыхъ разсѣянныхъ жилищъ, обитаемыхъ спариками, или беззащитными женщинами, которыхъ мужья и дѣти добровольно записались подъ знамена Короля Роберта Брюса, чтобы отразить нападеніе непріятеля.

Губерто спѣшилъ изъяснить свою привязанность къ правамъ и вольности Шотландіи. Несчастные жители приняли его съ добродушіемъ и оказали живѣйшую любовь.

Вкусивши пищи и отдохнувъ, Авинцо проснулся съ добрыми поселянами и пошелъ въ Шотландскую армію.

Во время ночи вкусилъ онъ подъ тѣнію обширнаго дуба нѣсколько минушь сна, въ которомъ имѣлъ нужду, и на слѣдующій день пустился

въ дорогу съ такимъ же жаромъ. Онъ шелъ такъ скоро, что еще до вечера четвертаго дня увидѣлъ вдалѣкѣ лагерь, занимаемаго войсками короля Роберта Брюса.

Въ сію минуту Губерто чувствовалъ въ первый разъ возжегшійся жаръ въ пылкой душѣ своей, составляющей истинное геройство. Одушевленный благороднымъ энтузіазмомъ, схватилъ онъ мечъ, висѣвшій у него на бедрѣ, вынулъ его изъ ноженъ и, поднявъ оный къ небу, вскричалъ: „Праведный Боже! Ты, Копорото намѣрень я прославить, вступи за приѣсненнаго, естли желаніе мое защищать по смерть гонимую невинность можешъ доспавить мнѣ Твою помощь, по благоволи одобритъ усилія мои милосердымъ окомъ

Своимъ; благоволи руковод-
 ствовать мною среди сра-
 жений и дажь силу и безстра-
 шіе въ самыхъ ужаснѣйшихъ
 опасностяхъ; допусти Шот-
 ландіи опрашить несправед-
 ливое прииѣсненіе, а мнѣ
 способы возвратишь ей дре-
 внюю ея свободу!“

Послѣ сего Губерто по-
 шель опять и прибыль къ
 ближнимъ постамъ Шотланд-
 ской арміи незадолго до захож-
 денія солнца. Онъ явился къ
 Офицеру гвардіи и пребоваль,
 чшобы его представили Ко-
 ролю. Желаніе его тотчасъ
 исполнили, когда узнали, что
 онъ пришелъ изъ Англинской
 арміи, предполагая, что онъ
 хочеть сообщить важныя
 извѣстія, нужныя для Шот-
 ландіи.

Подошедши къ Королев-
 ской ставкѣ, Губерто подо-
 ждалъ нѣсколько минутъ, по-

елѣ чего ввели его къ Монарху, окруженному въ то время главнѣйшими полководцами Шотландской арміи.

Когда Авинцу спросили, какая привела его причина, то онѣ подалѣ тотчасѣ записную книжку, оспавленную ему Лади Макдональдѣ, и кольцо Сирѣ Аллана. Чтеніе этой рукописи произвело въ Королѣ удивленіе и любопытство, которое весьма легко можно было видѣть по чертамъ лица его. Въ самомъ дѣлѣ онѣ не могѣ вспомнишь безѣ сердечнаго движенія о несчастіяхѣ столь добродѣтельной женщины и о гибельной потерѣ война, столь же храбраго, какѣ и опытнаго, и особенно къ нему привязаннаго узами тѣсной дружбы.

По прочтеніи рукописи, Авинцо разсказалѣ подробно о смерти Сирѣ Аллана и Лади

Макдональдъ, о побѣгѣ своемъ изъ Лондона и средствахъ, взятыхъ имъ, чѣмъ избѣгая бдительности Англичанъ, словомъ, о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ, случившихся съ нимъ отъ смерти Сиря Аллана до прибытія его въ Шотландскую армію.

Повѣствованіе Авинца было часто прерываемо невольными восклицаніями Короля и другихъ присутствовавшихъ рыцарей, въ числѣ коихъ находился Сиръ Эдуардъ, братъ Короля, Рандольфъ, Графъ Муррайскій, и Лордъ Дугласъ, не пропускавшій ни одного случая оказывать въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ ненависть свою къ Англіи.

Исторія Авинцы, доказывавшая довольно искреннюю привязанность его къ Шот-

ландіи и къ законной споро-
нѣ Короля Роберта Брюса,
доставила ему поспѣшь до-
вѣренность и дружбу сего Го-
сударя. Монархъ далъ ему по-
чтенное мѣсто подлѣ себя и
дозволилъ надѣть Шотланд-
ское платье, — милость, копо-
рую качества иностранца
дѣлали еще отличнѣе.

Въ скоромъ времени Авинцо
оказалъ столько опытовъ хра-
брости, что приобрѣлъ ве-
ликую славу въ Шотландской
арміи. Со всѣхъ сраженій воз-
вращался онъ побѣдителемъ.
Воины обожали его и горди-
лись идти съ нимъ на вся-
кую опасность. Со дня на
день становился онъ любез-
нѣе Шотландскому Монарху,
и привлекъ къ себѣ дружбу
отличнѣйшихъ полководцевъ
арміи. Такимъ образомъ изъ
горестнаго положенія сирот-
ты, разлученнаго съ свѣтлѣмъ,

отечествомъ, семействомъ, друзьями, Губерто вдругъ достигъ величайшаго возвышенія, пользуясь милостию Государя и довѣренностию любезныхъ его придворныхъ.

Судьба, конечно преславши преслѣдовать Губерто, наконецъ, казалось, смягчилась. Блистательнѣйшіе виды открывались предъ нимъ; никакое облако, казалось, не долженствовало помрачить оныхъ. Щастіе и слава не преслававали изливать на него своихъ милостей до гибельнаго Мешвенскаго сраженія, низпровергшаго въ одну минуту успѣхи и надежды храбрыхъ Шопландцевъ и благороднаго Роберта. Тогда Губерто сдѣлался опять съ Государемъ и вѣрными его партизанами бѣглецомъ, преслѣдуемымъ и бродящимъ. Будучи несчастнымъ игралищемъ не-

постояннаго рока, принужденъ былъ искать съ ними убѣжища въ мрачномъ монастырѣ Святаго Колумба.

Г Л А В А VIII.

На разсвѣтѣ дня Губерто былъ пробужденъ унылыми звуками монастырскаго колокола, созывавшаго монаховъ Святаго Колумба къ упренней службѣ. Онъ поспѣхъ вспалъ и пошелъ въ залу, гдѣ наканунѣ ужинали. Король и рыцари собрались уже, и такъ какъ не были связаны присутствіемъ монаховъ, то съ живоспію между собою говорили. Они сказали ему, что рѣшились принять подложныя имена.

Вторая сія мѣра могла быть оправданною благоразуміемъ: ибо обстоятельство

Государя принуждали его примѣняться къ онымъ. Ужасныя сновидѣнія, имѣвшія странную связь съ монастыремъ, въ которомъ онъ находился, безпокоили его во всю ночь. Робертъ Брюсъ всегда показывалъ душу прѣвышающую суевѣрные страхи, клонящіяся къ тому, чѣмъ испребитъ даже духъ истиннаго героизма. И такъ воображеніе его сильно потрясено было, когда сны имѣли на него вліяніе. Какъ бы то ни было, видѣнія, по истиннѣ чрезвычайныя, внушили ему не только мудрыя предосторожности, но и насстроили его къ горестнымъ чувствованіямъ, которыя не скрылись отъ внимательныхъ взоровъ друзей его, не могшихъ, по любви своей къ Государю, не принять въ оныхъ живаго участія.

Когда положено было какія принять имена, то Король взялъ имя Сиръ Александра де Роксборука, а Авиццо промѣнялъ свое на Сиръ Эдреда Макардена. Прочіе рыцари скрыли также истинныя свои фамиліи, и черезъ минушу пришелъ монахъ, чтобы проводить ихъ въ церковь.

Монархъ и вѣрныя его товарищи слѣдовали за нимъ въ молчаніи. Они прошли черезъ многія залы, обошли кельи, вступили подъ старинный готическій сводъ и взошли на широкую лѣспницу, съ которой увидѣли они внутренность великолѣпной церкви монастыря Святаго Колумба.

Они вошли въ нее побочною дверью, прошли подъ огромными сполбами, поддерживающими сводъ купола, и

приблизились, пройдя всю церковь, къ главному олтарю. Король и друзья его не могли не удивляться красотѣ сего зданія и порядку, въ какомъ спояли около хора Аббатъ и монахи. Все въ семь мѣстѣ дышало пышностью и великолѣпиемъ; все, казалось, сдѣлано было для того, чшобъ ослѣпить глаза и поразить душу спрахомъ и благоговѣніемъ.

По правую руку великолѣпнаго олтаря на возвышенномъ мѣстѣ, походившемъ болѣе на пресполь, нежели на сѣдалище монаха, находился Аббатъ Святаго Колумба. Передъ нимъ два прекрасные мальчика въ пурпуровой одеждѣ кадили изъ цѣльнаго серебра кадилами, которыя распроспраняли пріятнѣйшее благоуханіе. Подлѣ него отличался прямымъ и

высокимъ своимъ ростомъ вѣрный его другъ Джонъ де Думбаръ съ ужаснымъ своимъ лицомъ. Многія мѣста хоръ заняты были старѣйшими въ обществѣ, кои всѣ имѣли строгую физіогномію и скрыпный видъ.

Подлѣ cadaго мѣста, на мраморномъ полу церкви, стояли на колѣняхъ одинъ подлѣ другаго три монаха и перебирали чепки. Глаза ихъ были популены, а наружность показывала самое глубокое благочестіе.

На ступеняхъ олшаря стояли въ великомъ числѣ юноши, одѣтые въ длинныя одежды плѣннопельной бѣлизны. Они держали ладанъ и стояли рядомъ отъ середины хора до широкой желѣзной рѣшетки, которая отдѣляла ее отъ прочей части церкви.

Около двухъ налоевъ , на которыхъ лежали огромные служебники, поддерживаемые двумя орлами съ разпростертыми крыльями , многіе пѣвчіе, а за ними многіе монахи, сложа руки на груди , пѣли попеременно псалмы.

На олтарѣ было видно великолѣпное Распятіе изъ чистѣйшаго золота. Съ обѣихъ сторонъ горѣли въ два ряда восковыя свѣчи, коихъ свѣтъ озарялъ мощи въ богатыхъ ковчегахъ , украшающихъ сію часнь святилища.

Неласковый пріемъ , сдѣланный вчера монахомъ , подалъ имъ не очень благопріятное мнѣніе объ отцѣ Аббатѣ. Всѣ они любопытносповали видѣть его и спѣшили, по невольному движенію, обратиться на него свои взоры ; но воображеніе ихъ , хопя

сильно предубѣжденное прошивъ его характера и особы, совсѣмъ не подозрѣвало истинны.

Неважный его видъ и малый ростъ показывали его какъ бы зарытымъ въ великолѣпныхъ украшеніяхъ, которыми онъ былъ облаченъ, а чрезвычайное возвышеніе его сѣдалища не только не отвращало сего неудобства, но и давало ему видъ еще страннѣе. Выразительныя черты лица его показывали въроломство, мстительность и жестокость, малые и пронзательные его глаза, бросающіе любопытные взгляды, останавливались попеременно на каждомъ изъ рыцарей и потомъ обращались особенно на Короля, на котораго онъ смотрѣлъ долго съ самымъ неприличнымъ безстыдствомъ. Носъ его былъ

орлиный, хопя и очень короткій, и давалъ всей его физиогноміи видъ свирѣпый, который еще болѣе умножало впалое его и синеватое лице. Ужасной величины ротъ его показывалъ всегда улыбку коварную и презрительную. Подбородокъ его былъ покрытъ короткою и густою темнорыжею бородою. Волосы такого же цвѣта, которые по установленію монастыря принужденъ онъ былъ коротко обрѣзать, составляли наверху головы какъ бы волосяную шапку; словомъ: видъ Настоятеля Гондеца не произвелъ никакого другаго впечатлѣнія, кромѣ отвращенія, или ужаса.

Спрашная сія фигура безъ сомнѣнія не очень способствовала къ удаленію горесныхъ мыслей, обладавшихъ Монархомъ. Рыцари,

какъ бы угадывая, что чувствовалъ ихъ Государь, обратились къ нему и спарались проникнуть въ его душу. Между тѣмъ какъ они были погружены въ сію безмолвную задумчивость, торжественная церемонія началась. Церковное пѣніе раздалось; опецъ Аббатъ вспалъ съ принужденною осанкою, подошелъ медленно къ ступенямъ олтара, у подножія котораго онъ спалъ на колѣна и началъ свою молитву. Наконецъ онъ вошелъ на ступеньки и началъ обѣдню, во время которой пѣніе молодыхъ пѣвчихъ, сопровождаемое протяжными голосами монаховъ, раздалось по воздуху съ очаровательною пріятностію и составило концертъ восхищительной гармоніи.

Губерто, занявшись единственно важностію церемо-

нѣи, которой онъ былъ свидѣтелемъ и которая увеличивала еще природную его набожность, не примѣшилъ монаха почтеннаго вида, стоявшаго подлѣ него на колѣнахъ, который съ нѣкопорого времени смотрѣлъ на него съ великимъ участіемъ. Глубокій и пылосный вздохъ, испущенный симъ монахомъ, возбудилъ наконецъ вниманіе Авинца; онъ оборотилъ голову и почувствовалъ себя пораженнымъ внезапнымъ и невольнымъ смущеніемъ при видѣ почтеннаго сего старца.

Онъ, казалось, былъ глубокихъ лѣтъ, голова его лишенная волосъ, и бѣлая какъ снѣгъ борода распилалась по груди въ длинныхъ волнахъ.

Ростъ его былъ высокій, но немного согбенный; лице внушало сіе непреборимое

привлеченіе, которое вселяетъ къ себѣ почтеніе и дружескую довѣренность.

Отецъ, примѣшивши, что Авиццо на него смотрѣлъ, опворопился; отъ времени до времени бросалъ онъ на юношу взоры и по-часъ ихъ пошуплялъ, видя, что послѣдній не преспавалъ глядѣшь на него со вниманіемъ.

Губерцо, развлеченный на минушу отъ почтенія, должнаго Божеству, началъ молишься съ жаромъ, который не имѣлъ въ себѣ ничего прищворнаго до окончанія службы. Тогда глаза его вспрѣпились еще разъ со взорами монаха, который смущеннымъ своимъ видомъ показалъ, что онъ не преспавалъ съ своей стороны емотрѣшь на Губерцо.

Монахи встали, запѣли послѣдній гимнъ и вышли изъ церкви медленными и мѣрными шагами, шестпвужа параллельно въ два ряда, посреди коихъ прошелъ Аббатъ съ достойнымъ своимъ наперсникомъ, Джономъ Думбаромъ. Молодые пѣвчіе заключали шестивіе и соединяли трогательные свои голоса съ торжественнымъ хоромъ.

Шотландскій Монархъ и друзья его пошли съ своей стороны за брапомъ, приведшимъ ихъ въ церковь. Когда монахъ, возбудившій столь сильно вниманіе Губерта во время обѣдни, прошелъ подлѣ него, то Авинцо почувствовалъ чрезвычайное движеніе. Онъ обратился къ брапу, его провожавшему, и спросилъ о имени сего инока. Монахъ отвѣчалъ ему, что онъ называется опцемъ Антоніемъ,

попомъ присовокупилъ съ презрительнымъ видомъ: „его очень мало уважають въ сей обители.“

Примѣчаніе сіе возбудило гнѣвъ Авинца; онъ бросилъ на брата раздраженный взоръ, и готовился сдѣлать ему возраженіе, но размышленіе укротило первое сіе движеніе. Онъ удовольствовался выразить взглядомъ то, что чувствовалъ, и братъ въ смущеніи пошупилъ робко глаза, проклиная въ сердцѣ своемъ того, кто такъ хорошо цѣнилъ его подлость и злобу.

Когда процессія подошла къ кельямъ, то братъ сошелъ со ступеней скоро и повелъ въ молчаніи Монарха и рыцарей во внутренность монастыря. Вскорѣ за тѣмъ вели ихъ въ большую комнату подлѣ прапезы, гдѣ монахи собрались уже завтракать.

Имъ подали поспѣшь все
нужное ; но разговорамъ ихъ
мѣшало присутствіе мона-
ховъ , ходившихъ непрестан-
но вокругъ ихъ , и которые ,
казалось , за шѣмъ только
приходили , чшобы примѣчать
за поступками ихъ и словами.

Послѣ печальнаго завтра-
ка , въ ту минушу , какъ они
собирались идти , чшобы со-
гласиться о мѣрахъ , какія
надлежало принять , вдругъ
прервалъ ихъ монахъ Джонъ
де Думбаръ и , обращаясь прямо
къ Королю , просилъ идти за
нимъ въ комнашу отца Абба-
та . Монархъ отвѣчалъ лег-
кимъ поклономъ и пошелъ за
Джономъ де Думбаромъ .

Рыцари были въ смущеніи
отъ поступка монаха ,
который отнесся прямо
къ самому Королю , хотя на-
ружность его не подавала ни-
какой причины къ сему пред-

почтенію. Между тѣмъ какъ они дѣлали заключенія, произведенныя симъ происшествіемъ, благородный власникъ Шотландіи шель въ молчаніи черезъ длинный рядъ коридоровъ и комнашь за Джономъ Думбаромъ, копорый ошпановилъ наконецъ передъ дверью и легко поспучался. Голось приказаль ему войши; онъ ошворилъ дверь, и Монархъ явился передъ Наспопяшемъ Гондецомъ.

Опець А б б а ш ъ сидѣлъ прямо прошивъ двери на спуль, покрышомъ кармазиннымъ бархатомъ. Правый его локось опирался о ручку кресель, а голова лежала на ручкѣ. Когда дверь ошворилась, шо онъ взглянулъ на Короля.

Посмотрѣвши на него нѣсколько минушь, Наспопяшель прервалъ наконецъ молчаніе

и сдѣлалъ Монарху слѣдующіе вопросы :

„Кто ты? какъ зовушь себя?“

— Я рыцарь, называюсь Сиръ Александромъ де Рокс-борукомъ, опивчалъ Король швердымъ голосомъ. —

„Вы и поварищи ваши не былиль побѣждены на Метвенскомъ сраженіи Королемъ Эдуардомъ? Правда ли это?“

— Да, преподобный отецъ; истинна принуждаетъ меня признахся. —

„И вы пѣшли къ острову Оронцъ для того, чѣобы сыскашь надежное убѣжище? Не такъ ли?“

— Такъ. —

„По самому этому вы признаете себя виновными!“
вскричалъ монахъ съ гнѣвомъ. Сказавши сіи слова, обнаружилъ онъ злобную радость,

которой мѣсто вскорѣ заступила улыбка презрѣнія; потомъ продолжалъ онъ слѣдующее:

„Такъ - то наблюдаете вы вѣрность, въ которой клялись благородному и славному Роберту Брюсу! шакъ - то защищаете вы его въ опасности! шакова - то вѣрность ваша, любовь къ Шотландіи, усилія сохранить ея независимость! Я долженъ сказать вамъ, Гг. рыцари, что вамъ надлежалобъ идти въ другое мѣсто. Могли ли вы думать, чпобы мы согласились въ святой обители нашей дать прибѣжище невѣрнымъ и вѣроломнымъ рыцарямъ? Эта мысль приводитъ меня въ ужасъ; она столь же постыдна, какъ и безчестна.“

Монахъ хотѣлъ продолжать, но разгнѣванный Монархъ и пронувшій до глубины

ны души сими жестокими и несправедливыми попреками прерваль его съ жаромъ :

— Вы почищаете насъ невѣрными и вѣроломными ! О Небо ! могу ли я снести это ? Г. Аббапъ ! узнайте насъ лучше, тогда не будете такъ заключать о насъ. Знайте, что мы не щадили своей жизни и, какъ храбрые воины, сражались до послѣдней крайности для опраженія ужаснаго приписенія Короля Англинскаго. —

„Гдѣ же вашъ Король ? что вы сдѣлали съ нимъ ?“ возразилъ Настоятель съ негодованіемъ. Въ то же время вспаль онъ поспѣшно съ своего спула, и глаза его, въ которыхъ изображалась вся черноша души, сверкали злобою. При семъ новомъ вопросѣ Король принялъ опять сломойный видъ, показываю-

щій его достоинство и сдѣлавшій разительный контрастъ съ яростию монаха.

— Государь, отвѣчалъ онъ, подъ покровительствомъ Всевышняго; а мы, вѣрные его сподвижники, подкрѣпляемые сею вышнею властію, презираемъ несправедливыя обвиненія съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ пренебрегли смерть, утверждая права Роберта Брюса на тронъ Шотландіи. —

Монархъ замолчалъ на нѣсколько минутъ. Взоры его, изображающіе благородную гордость, смотрѣли на монаха. Къ виду превосходства, какое даетъ чистая совѣсть, присоединилось на лицѣ его выраженіе презрѣнія.

— Отворише ворота ваши! продолжалъ Монархъ; мы не хотимъ убѣжища, въ которомъ насъ шакъ не-

достойно упрекають; отпущите насъ, мы презираемъ заклявщіяся прошиву насъ стихіи. Громъ и буря ничто предъ оскорбленіями, которыя вы намъ дѣлаете. —

Во время рѣчи Монарха яросль опца Аббата казалась постепенно утихающею; видъ спокойствія старался заспунить ея мѣсто. Онъ вспаль, когда Король переспаль говориль, подошелъ медленно, пропянулъ правую руку, чтобы благословиль его, и началъ говориль сіи слова:

„Будьте увѣрены, Сирь Александръ де Роксборукъ, вы и поварищи ваши въ нашемъ къ вамъ разположеніи. Теперь опдаю я болѣе справедливости вѣрности и храбрости вашей. И такъ забудьте, заклиною васъ, строгость, оказанную мною сперва, и вѣрь-

не, что я обошелся такимъ образомъ съ вами только для того, чтобы узнать тайну пребыванія вашего въ сихъ мѣстахъ. Теперь я знаю, кто вы таковы.“

Король опвѣчалъ на сіи увѣренія легкимъ наклоненіемъ головы. Надупый понь и прищворный видъ Наспояшеля болѣе умножили, нежели разрушили невольное подозрѣніе, внушенное его поступками и характеромъ.

„Повпоряю вамъ, присокупилъ опѣць Аббапъ, почишайте себя здѣсь какъ посреди своихъ братьевъ; повелѣвайте, и вамъ будутъ повиноваться, сколько позволятъ по слабыя наши силы, и когда войско Короля Роберта Брюса снова соберется подъ грозныя знамена его, когда оно будетъ въ состояніи прошивустоять силѣ Ко-

роля Эдуарда, тогда, Г. рыцарь, вы свободно можете ѣхать; мы проводимъ васъ своими благословеніями.“

Король опвѣчалъ Настоятелю въ коропкихъ словахъ и благодарилъ за себя и поварихей своихъ за милоспивыя расположенія, имъ оказываемыя. Попомъ онъ удалился, оставя Гондеца съ дош о й н ы м ъ наперсникомъ Джономъ Думбаромъ размышлять о сдѣланныхъ ему опвѣсахъ.

Со всѣмъ тѣмъ Монархъ безпокоился о намѣреніяхъ опца Аббата, и свиданіе съ нимъ умножило его опасенія. Однакожъ онъ почиалъ себя въ безопасности подъ ложнымъ именемъ Сирь Александра де Роксборука. Въ сихъ гореспныхъ мысляхъ пришелъ онъ къ своимъ поварихамъ, которыхъ при-

еушствие его вывело изъ ужаснѣйшаго безпокойства.

Король пошелъ съ ними пошчасъ въ галлерей монашья, гдѣ, не будучи ни къмъ примѣчаемъ, разсказаль имъ разговоръ свой съ Настоятелемъ Гондецомъ. Повѣствованіе сіе возбудило ихъ удивленіе и вниманіе, и оставило въ нихъ такія же горешныя впечатлѣнія, какъ и въ Монархъ.

Онъ пригласиль каждого изъ нихъ дасть свое мнѣніе. Они всѣ оказали свои опасенія, совершенно согласныя съ Королевскими, и согласились, что надобно какъ можно скорѣе сыскашь средство убѣжать съ острова Оронца, гдѣ Робертъ Брюсъ, казалось, не былъ въ безопасности отъ тайныхъ умысловъ Гондеца и шоварищей его.

Тогда Король велѣлъ каждому изъ друзей своихъ примѣчать спарашельно за монахами, имѣющими входъ во внутренность монастыря, а особливо за поступками Джона де Думбара. Онъ поручилъ имъ говорить между собою какъ можно рѣже, присокупивъ, что лучшее средство, дабы скрыть свои намѣренія и избѣжать подозрѣній, есть соединяться какъ можно рѣже.

Ревноспно приняли они совѣтъ Монарха и разсѣялись послѣ сего разговора по разнымъ переходамъ монастыря. Король и братъ его, Сиръ Эдуардъ Брюсъ, оспались одни и долго разговаривали о положеніи Королевства, о средствахъ соединить своихъ паршизановъ и соображали, какія принять мѣры для начатія снова войны.

Согласившись въ главныхъ пунктахъ, они распались, и каждый, слѣдуя принятому плану, направилъ стопы свои во внутренность монастыря, или сады его.

Г Л А В А IX.

Въ сіе утро Авинцо пошелъ въ уединенныя аллеи сада, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Не смотря на ясность дня и свѣжесть воздуха, ни одинъ монахъ не выходилъ еще насладиться великолѣпною картиною, выпавленною природою во всемъ ея блескѣ. Нѣсколько разъ лице опца Антонія представлялось воображенію Губерша, нѣсколько разъ желалъ онъ встрѣшиться съ почтеннымъ симъ спарцемъ, по видимому единствен-

нымъ добродѣтельнымъ мужемъ-монашья Святаго Колумба. Онъ долго прогуливался въ сей надеждѣ, но ушло прошло, а онъ его еще не видалъ.

Ввечеру Губерто ходилъ во внутренности зданія и удивлялся его обширности: то проходилъ чрезъ большія залы, сообщавшіяся съ другими такой же величины, то блуждалъ по длиннымъ переходамъ, по сторонамъ которыхъ находилось безчисленное множество комнатъ, большую частью необитаемыхъ. Наконецъ пришелъ онъ въ одно отдѣленіе, назначенное для храненія многихъ харшій, актовъ и рукописей, принадлежащихъ монастырю.

Губерто пребылъ въ ней долго, разсматривая свѣтски, писанныя на пергаментѣ, и книги, украшенныя виньетта-

ми и прекрасными гербами. Онъ хотѣлъ - было уже идти, какъ вдругъ большой свитокъ, покрытый пылью, находившійся въ темной нишѣ въ стѣнѣ и повѣшенный на золотой цѣпи, возбуждиль его вниманіе.

Побуждаемый любопытствомъ, Губерто снялъ его съ цѣпи, развернулъ осторожно и увидѣлъ, что это былъ манускриптъ, украшенный по полямъ разными рисунками, а въ заглавіи чрезвычайною карпминою, представлявшею родъ подземной пещеры, въ которой лежалъ въ оковахъ почти совсѣмъ согнившій трупъ.

Авинцо, желая получить объясненіе сихъ картинъ, изъ коихъ многія представляли планы какихъ-то лабиринтовъ, или погребовъ, рѣшился пробѣжать рукопись,

спряхнулъ съ нее пыль и сѣлъ подлѣ окна, сквозь которое заходящее солнце изливало довольно еще свѣтъ. Онъ взглянулъ сперва на надпись, находившуюся въ заглавіи рукописи; она была слѣдующая:

Исторія бѣдсшвенной смерти рыцаря краснаго оружія, писанная монахомъ Ингульфомъ, по повелѣнію олтца Іеронима, Аббата монастыря Святаго Колумба на островѣ Оронцѣ, гдѣ происходила кровопролитная сія трагедія 1152 года.

Внизу было написано:

Благочестивый Чита-
тель! да сохранитъ тебя
отъ святоотачественнаго
любопытства страшное
наказаніе невѣрнаго сего ры-
царя и да научитъ тебя
почитать тайны, ко-
торыя должны быть со-

привыты отъ всѣхъ глазъ
 непросвѣщенныхъ. Стра-
 шись, подражая его примѣ-
 ру, погибнуть, какъ и онъ,
 въ ужасныхъ мученіяхъ и
 не надѣйся сокрыться
 какъ въ сей, такъ и въ бу-
 дущей жизни отъ мщенія
 великаго Колумба, сильнаго
 астулника сего мона-
 стыря.

Человѣколюбивые Христи-
 яне! молишесь за упокой ду-
 ши его.

Вспуленіе сіе произве-
 ло сильное впечатлѣніе надъ
 Авинцю и привлекло все
 его вниманіе. Онъ хотѣлъ
 продолжати чпеніе, но дви-
 женіе приближившагося къ
 нему предмета принудило
 его оборотиться. Онъ под-
 нялъ глаза и увидѣлъ спо-
 ящаго за собою высокаго и
 мрачнаго монаха Джона де
 Думбара. Угрюмый и таин-

спивенный видъ помрачалъ еще болѣе страшную его физиогномію. Черные и впалые глаза его быстро обращались и пускали взоры, выражавшіе злобу; руки его, совершенно сокрытыя подъ складками плащя, были сложены на груди.

Губерню глядѣлъ съ изумленіемъ на монаха, который приспально смопрѣлъ на него. Наконецъ онъ пошупилъ глаза свои, свернулъ рукопись и вспалъ, чтобы положить ее на по мѣсто, откуда взялъ. Важный и спрогій голосъ монаха оспановилъ его.

„Юноша, сказалъ онъ ему, что дѣлалъ ты въ сей часши монастыря, въ копорую позволено входить однимъ только монахамъ обипели? Любопытство твое заслуживаетъ по крайней мѣ-

рѣ строгій выговоръ , потому что въ сей части находясь архивы , содержащіе указы и правила нашего Ордена, и смотрѣвъ на нихъ непосвященнымъ иностранцамъ есть святошашство.“

Губернцо оквѣчалъ тихо и робко :

— Если я сдѣлалъ погрѣшность , преподобный отецъ , то прошу мнѣ простить оную. Но я зашелъ въ сію спорону , не имѣя нималяйшаго нажѣренія рыться въ архивахъ , о которыхъ вы говорите ; даже ни до чего не допрогивался , кромѣ этого свитка , который я началъ читать , когда вы вошли сюда. —

„Довольно , сказалъ монахъ , помолчавши нѣсколько времени ; воспользуйся наставленіемъ , въ немъ нахо-

дящимся ; но прошу тебя въ другой разъ сюда не ходишь.“

— Я не забуду его, — отвѣчалъ Авинцо, положивъ рукопись на мѣсто. — Когда онъ проходилъ мимо монаха, чтобы выдти изъ комнаты, то онъ схватилъ его вдругъ за руку и сказалъ :

„Я хотѣлъ бы на минуту поговорить съ тобой, юноша, потому что ты и поступки твои внушаютъ мнѣ такое живое участіе, что я хотѣлъ бы руководствовать твою молодость своею опытностію и совѣтами.“

— Я съ охотою принимаю ваше предложеніе, которое вы хотите оказать мнѣ, отвѣчалъ Авинцо съ пріятностію. —

„Возрастъ твой, продолжалъ монахъ, очень еще нѣженъ для перенесенія же-

этихъ военныхъ тягостей. Развѣ религія не имѣетъ никакой силы, способной прогнать твою душу? Не уже ли ожиданіе истиннаго блаженства въ другой жизни не можешь побудить тебя опречься опъ міра и жить только для Бога?“

— Я почитаю Бога и религію, утверждающую будущее блаженство, предметъ вашихъ желаній и надеждъ; но Небо назначило меня къ дѣятельной жизни, и я долженъ слѣдовать своему назначенію съ такимъ же жаромъ, съ какимъ исполняете вы должности, предписанныя религіею. —

„Ты взялъ сторону Роберта Брюса, сказалъ монахъ, а онъ теперь пропалъ безъ надежды. И такъ къ чему послужишь твоей вѣрности? какая ему помощь опъ усилія

одного слабого человека, каковъ ты, въ борьбѣ, въ которой судьба ему прошивна?“

Говоря такимъ образомъ, Джонъ де Думбаръ смотрѣлъ на Авинцу съ насмѣшливою улыбкою. Послѣдній примѣнилъ эпо и хотѣлъ презрѣніемъ опмсшить монаху; но, по щасію, благоразуміе пришло къ нему на помощь, и онъ скромно отвѣчалъ ему:

— Нещасное положеніе сего Государя есть важнѣйшая причина во всякомъ случаѣ бытъ ему полезнымъ. —

„Естьли бы вамъ предложили, сказалъ Джонъ де Думбаръ, скорое повышение и значительную должность въ монастырѣ: по не уже ли эпо не замѣнило бы выгоды, которыхъ вы надѣялись получить, посвящая жизнь свою на защиту Государя, споль для него бесполезную?“

— Никогда, прервалъ съ скороспю Авице. Цѣлый мѣсяцъ не заспавишь меня оспавишь несчастнаго и любезнаго Государя, ни спраны, которую защищаешь почищаю себѣ за великое щаспие и славу. —

При сихъ словахъ Джонъ де Думбаръ не могъ скрышь своего неудовольствія; онъ нахмурилъ брови и посмотрѣлъ на него съ досадою. Между тѣмъ какъ монахъ ходилъ въ задумчивоспи по комнапѣ, популя глаза, Губерто поклонился ему почпипельно и спѣшилъ удалиться, почищая себя щаспливимъ, что избавился отъ столь неприятнаго для него разговора.

ГЛАВА X.

Неприятная встрѣча съ Джономъ Думбаромъ и спранный съ нимъ разговоръ занимали сперва единственно Губерта. Но скоро каторія рыцаря краснаго оружія заняла опять его воображеніе. Что это за рыцарь? какое сдѣлалъ онъ пресупленіе? какія хопѣль онъ проникнуть тайны? Уставши дѣлать тщетныя заключенія, Авинцъ всталъ съ каменной скамьи, на которой сидѣлъ съ нѣкотораго времени. Уже послѣдніе лучи дня угасали на золотыхъ главахъ монастыря; въ задумчивости пошелъ онъ въ галерею, которая вели въ церковь, и вступилъ въ нее.

Разныя мысли занимали его воображеніе: по сослав-

милъ онъ планы, полезныя Королю и усыновившему его отечеству, по предавался справедливымъ страхамъ; которые заступила надежда преодолѣть наконецъ сіи прѣпятствія. Иногда и лице отца Антонія и внезапное почтеніе, внушенное ему симъ спарцемъ, примѣшивались къ горестнымъ впечатлѣніямъ; оставленнымъ въ немъ ужасными картинами рукописи.

Губерно остановился въ одной изъ малыхъ украшенныхъ часовень и сѣлъ на ступеняхъ олшаря; подпирая голову рукою и смотря на разкрашенныя стекла находившагося противъ него окна. Печальная сова сѣла на рѣшетку, и почти въ ту же минуту воронъ испустилъ злобщій крикъ свой.

Торжественное молчаніе; царствовавшее внутри цер-

Кви, слабый свѣтъ угасающаго дня, дрожащее пламя серебряной лампы, повѣшенной на олшарѣ передъ Распятіемъ, всѣ сіи предметы способствовали дасть мыслямъ Губерта мрачный и плачевный опшѣнокъ; погрузившій совершенно душу его въ уныніе. Онъ усиливался удалить сіи мрачныя облака печали, вспаль; подошелъ къ олшарю и, разпроспершись передъ изображеніемъ Творца, произнесъ къ Небу жаркое моленіе.

„Праведный Боже! вскричалъ онъ; Ты, Который измѣряешь на вѣсахъ Своихъ судьбу народовъ и Государей; благослови оружіе мое и защищаемую мною сторону. Шопландія сражается для защищенія своихъ правъ и вольности опъ несправедливаго припѣсненія; внуши

достойному ея Монарху силу
Свою и мудрость и даруй
ему Свое покровительство ;
всесильный Боже, опъ враговъ
его !“

Молясь такимъ образомъ,
Авинцо пропянулъ свою ру-
ку и положилъ ее на олтарь ;
вдругъ почувствовалъ онъ ,
что на руку его капнуло нѣ-
что влажное , тяжелое и хо-
лодное ; что заставило его
содрогнуться . Онъ поднялъ
глаза : Лампада все горѣла ,
но испускала слабый и голу-
боватый свѣтъ , при кото-
ромъ Губерто увидѣлъ съ
ужасомъ ; что при большія
капли крови упали на руку
его и запяпнали оную . Въ
ту же минушу раздался жа-
лобный стонъ совы и прон-
зительные крики черныхъ во-
роновъ , опозвавшіеся подъ
сводами обширнаго зданія .

Губершо вспалъ поспѣшно, чувствовалъ, что вся кровь его бросилась съ жерстокостію къ его сердцу. Волосы на головѣ его спали дыбомъ, и дрожащія колѣна едва могли сдерживать тяжесть его тѣла.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ признаки, всѣ слѣды крови пропали, и къ великому его удивленію рука, за минушу передъ тѣмъ замаранная, не имѣла уже никакого пятна.

Тогда спарался онъ собраться съ мыслями. Сперва думалъ онъ, что все это мечта; но, вспоминая о каждомъ обстоятельстве; увѣрился, что это была истина. Онъ вспомнилъ особливо, что чудо это случилось въ ту минушу, когда онъ молился съ великимъ жаромъ за Роберта Брюса, и какъ ни пятно была для него сія

мысль, но не могъ не предпологасть изъ сего предвѣщанія какого-нибудь ужаснаго нещасія, угрожавшаго Монарху. Едва сія мысль представилась его разуму, какъ сова и вороны, какъ бы желая подшвердить ее, испустили снова ужасные крики, замахали своими крыльями и улетѣли въ сосѣдственной густой лѣсь.

Шумъ этотъ привлекъ вниманіе Авинца, который обратилъ свои взоры на окно и отскочилъ поспѣшнѣе отъ ужаса при новомъ зрѣлищѣ, представившемся его глазамъ. Сквозь большія стекла примѣтилъ онъ фигуру, которой ни лица, ни одежды не могъ совершенно разсмотрѣть по причинѣ темноты, проходящую какъ привидѣніе сквозь деревья и кустарники и приближающуюся къ окну. Она

стояла передъ нимъ нѣсколь-
ко минушь неподвижно, сдѣ-
лала шѣлдвиженіе, выража-
ющее ужась и сожалѣніе, и
попчасъ пропала.

Между шѣмъ ночь при-
ближалась скорыми шагами, и
мракъ оной нечувствительно
сгущался. Губерпо вышелъ
наконецъ изъ своего оцѣле-
нїя и хотѣлъ иди въ
келью. Онъ пошелъ медленно
чрезъ церковь и оспановился,
погруженный въ глубокую за-
думчивость, у огромныхъ
сполбовъ, поддерживавшихъ
своды. Спустия минушу, когда
хотѣлъ онъ онять иди,
шумъ походки поразилъ его
слухъ. Въ шу же минушу вы-
шелъ вдругъ монахъ изъ-за
сполба. Онъ попчасъ оспа-
новился, увидя Губерпа, раз-
смапривалъ его нѣсколько
времени со вниманіемъ, взялъ
за руку и вскричалъ возвы-

шеннымъ голосомъ: „Убийство и измена!“ Тогда опустилъ его руку и поспѣшно удалился. Прежде нежели Авинцо опомнился, онъ уже исчезъ съ быспропою молніи.

Незнакомецъ хотя былъ закушанъ въ длинное монашеское платье, волочившееся по землѣ, но, казалось, былъ великаго роста. Капшонъ, спущенный на глаза, закрывалъ совсѣмъ лице его. Когда онъ схватилъ Авинцу, то рука его дрожала, и онъ показывалъ чрезвычайное смущеніе, согласующееся съ ужасными и таинственными словами, произнесенными имъ такъ выразишельно.

Г Л А В А XI.

Безмолвіе и мракъ царствовали вокругъ Губерта; пораженный происшествіями,

послѣдовавшими одно за другимъ съ такою быспропою, онъ не могъ выдти изъ сихъ мѣстъ. Непредвидѣнная встрѣча сего монаха, торжественный и страшный его голосъ привели его въ оцѣпенѣніе. Трепеща, будучи неспособенъ собрать мысли свои, онъ думалъ, что слышащій еще ужасныя слова, угрожающія прекратить жизнь Короля и товарищей его. Когда онъ соединилъ оныя съ явленіями и предвѣщаніями, успрашившими его въ церкви, то они имѣли явную связь съ подозрѣніями, ошъ которыхъ не могъ онъ защитить себя.

Внезапный шумъ вывелъ его изъ сего рода ничпожества. Онъ началъ вслушиваться, и увидѣлъ, что оный происходилъ за желѣзною рѣшеткою, которую онъ

перли на другомъ краю церкви. Онъ услышалъ также по видимому приближавшіеся шаги, судя по ихъ направленію, съ противуположной стороны. Авинцо взглянулъ въ ту сторону и увидѣлъ скоро Настоятеля Гондеца съ Джономъ де Думбаромъ, который несъ въ одной рукѣ лампаду, а въ другой огромную связку ключей; онъ шель медленно подлѣ него и говорилъ шакъ тихо, что Губерно никакъ не могъ слышать ихъ разговора.

Настоятель и Думбаръ вошли въ церковь, перешли черезъ нее и остановились вверху лѣстницы, ведшей въ галерею. Тамъ поговорили они тихо между собою, вышли потомъ изъ церкви и заперли за собою дверь, которая скрыла совершенно свѣтъ ихъ лампы.

Авинцо радовался внутренно, что его не примѣтили. Онъ опасался возбудить подозрѣніе и показать, будто присматриваетъ за поступками монаховъ, особливо когда его нашли ввечеру въ такомъ мѣстѣ, куда имѣли право входить одни только сгарфійшины обитатели. Но если бы поведеніе монаховъ не было достойно хулы, то какъ могло ихъ оскорбить невинное, или виновное любопытство иностранца и за чѣмъ старался онъ скрываться отъ его взоровъ?

Занимаясь сими размышленіями, Губертъ взошелъ на ступени, ведущія въ галерею, по которымъ сошелъ Настоятель. Но удивленіе его было чрезмѣрно, когда, послѣ тщательныхъ усилій отворить дверь, нашелъ, что она заперта снаружи.

Тогда онъ узналъ съ гореспїю, что долженъ былъ оспашься въ заперши въ церкви до полуночи, — часъ, въ которой опцы по обыкновенію приходили пѣть все-нощную. Онъ вспомнилъ также, что успавы обителі повелѣвали каждому монаху молишься одному въ своей кельѣ до сего часа и запрещали выходить изъ нее подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Вопль за чѣмъ монахъ, обратившій къ нему ввечеру таинственныя слова, удалился такъ поспѣшно во внутренность монастыря. Причина сія не преминулабы привлечь на Авиньну нѣвъ Наспояшеля и его наперсника, еспьлибъ они замѣтили, что дѣлають подобное нарушеніе правилъ своего Ордена. И такъ благоразуміе повелѣвало Губершу не дѣлать покушеній

выдти изъ церкви, и онъ рѣшился ожидать терпѣливо минутой, копорая прекратитъ непріятное его заключеніе.

Давно уже пробило восемь часовъ, и безмолвная ночь разпростерла мрачное свое покрывало на всю природу. Опъ времени до времени серебряный кругъ луны блистала сквозь густыя облака, носящаяся по неизмѣримому пространству неба, и блѣдые лучи его изливали слабый свѣтъ на спящую природу.

Совершенное уединеніе мѣста, важный видъ онаго, смущенныя и печальныя мысли способствовали къ умноженію безпокойства Губерта. Однакожь, будучи увѣренъ въ своей невинности, исполненный упованія на Бога, скоро исчезъ пустой страхъ

изъ сердца его, и онъ занялся единственно мыслию спасти Короля Шотландскаго.

Губерто опошелъ опъ двери и приближился въ задумчивости на средину храма. Тамъ глаза его бѣгло взглянули на два олшаря, стоящіе по сторонамъ и украшающіе окружность церкви. Передъ каждымъ олшаремъ горѣла серебряная лампада, подобная лампадѣ той часовни, въ которой онъ передъ симъ молился. Блѣдное и тихое пламя сихъ лампадъ изливало шусклый свѣтъ, освѣщавшій несовершенно только средину церкви, и кидало на оную черныя тѣни огромныхъ столбовъ, поддерживавшихъ своды.

Походивши довольное время, Губерто остановился передъ хоромъ, котораго рѣ-

Шёпка оппиралась только тогда, когда приходили на службу монахи. Между тёмь какъ онъ занимался разсма-
 триваніемъ блистательныхъ
 украшеній нѣкоторыхъ мощей
 въ богатыхъ ракахъ, копо-
 рыя освѣщала повѣшенная
 предъ Распятіемъ лампада,
 глаза его увидѣли вдругъ фи-
 гуру женщины, одѣтую въ
 длинное бѣлое платье и про-
 стершую у подножія олшаря
 въ молящемся положеніи. По-
 раженный симъ чрезвычай-
 нымъ явленіемъ, Губёрто
 сдѣлался неподвиженъ, обра-
 тивъ глаза на сей родъ приви-
 дѣнія, не зная; долженъ ли
 пому вѣрить, или приписать
 это воображенію, сильно по-
 трясенному происшествіями
 дня. Но онъ долженъ былъ
 скоро отказатьсь отъ сей
 мысли, увидя, что призракъ
 подымалъ руки къ олшарю и

преклонялъ голову свою много разъ со всеми знаками великой набожности.

Авинцо долго смотрѣлъ на привидѣнiе, которое наконецъ вспало и, оборотясь спиною къ олтарю, сошло величественно по ступенямъ и приближалось попомъ къ рѣшеткѣ, противъ которой стоялъ Губерто. Въ первый разъ овладѣло имъ непреодолимое чувство любопытства: Онъ сошелъ попихоньку съ своего мѣста, рѣшившись наблюдать движенiя незнакомки, которая вынула изъ-подъ плащя ключъ, оповорила имъ рѣшетку, сошла со ступенекъ хора и вошла прямо на средину церкви. Поступь ея была благородна и станъ прекрасенъ, хотя она была закушана въ широкое плащье, котораго складки небрежно развѣвались около ее.

Удаленіе и темнота поѣѣли скоро Авинцѣ разсмопрѣшь пристальнѣе незнакомку. Но, не желая устращишь ее скорымъ своимъ появленіемъ, пробрался онъ безъ шуму по сторонѣ церкви, чтобы удобнѣе разсмопрѣшь ее.

Приблизась до большой двери, воропилаь она вдругъ назадъ къ рѣшеткѣ хора, потомъ пошла опять прямо къ двери и нѣсколько разъ проходила сїе пространство. Одинъ разъ движеніе Губерта, казалось, возбудило ея вниманіе. Она топчасъ оспановилась и посмопрѣла съ безпокойствомъ на ту сторону, гдѣ былъ Губерто. Но онъ, смояря на нее внимательнѣе, споялъ неподвижно за столбомъ, и черезъ нѣсколько минутъ незнакомка начала прохаживашься, какъ

и прежде. Возвратившись къ входу на хоры, взошла она на ступени и хотѣла его запереть. Въ сію минуту, будучи не въ силахъ пропихиваться желанію поговорить съ нею, Губерпо побѣжалъ къ рѣшеткѣ. Шумъ его походки заспавилъ незнакомку поднявъ глаза. При видѣ Губерпа она вскричала съ ужасомъ, повернула ключъ въ замкѣ, вынула его и побѣжала поспѣшно на хоры у главнаго олшаря, гдѣ скрылась вдругъ отъ взоровъ Авинца.

Между тѣмъ Авинцо долго стоялъ у желѣзной рѣшетки и погружился въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ скрипъ двери, коперцою прошель отецъ Аббаццъ, вывелъ его вдругъ изъ оной и напомнилъ ему объ опасномъ его положеніи. Онъ тотчасъ уви-

дѣлъ вдали монаха Джона Думбара, который шелъ большими шагами вдоль колоннады съ лампадою въ рукѣ.

Авинцо сошелъ поспѣшно со ступеней и едва имѣлъ время спрястаться, прежде нежели монахъ сей дошелъ до хоровъ. Джонъ де Думбаръ опперъ рѣшетку и пошелъ въ сторону олшаря, гдѣ скрылась за нѣсколько минушь незнакомка, и потчасъ пропалъ самъ изъ глазъ удивленнаго Авинцы.

Хотя Губерто могъ видѣти шеперь изъ церкви, но онъ рѣшился оспасться въ ней до возвращенія монаха, котораго онъ долго и безполезно ожидалъ.

Губерто удивился наконецъ долгому его отсутствію; спрашная мысль пришла ему въ голову. Монахъ оспавиль рѣшетку опперною; Авинцо

рѣшился воспользоваться
 еимъ обспощельспвомъ для
 опкрытія новой тайны, ко-
 торая, казалось, имѣла весь-
 ма большое соотношеніе съ
 видѣнной имъ незнакомкой.
 Въ семь намѣреніи оставилъ
 онъ свое убѣжище и побѣжалъ
 поспѣшно къ тому мѣсту,
 гдѣ оба они скрылись. Но
 усилія его и исканія были
 бесполезны; онъ не могъ най-
 ти никакого прохода. Онъ
 искалъ еще его, какъ услы-
 шавъ, что входили по лѣсп-
 ницѣ монахи для исправленія
 обыкновенной ночной службы.

И такъ Авице принуж-
 денъ былъ опять спряташь-
 ся, что и сдѣлалъ онъ, не
 бывъ никѣмъ примѣченъ. Но
 какъ удивился онъ, когда
 увидѣлъ въ серединѣ процес-
 сіи исполинскій ростъ Джона
 де Думбара, который шелъ,
 по обыкновенію своему, за

Наспояшемъ Гондецомъ! Тогда онъ не сомнѣвался, чтобъ не было тайныхъ ходовъ, сообщавшихъ церковь со внутренностію монастыря, попому что Думбаръ не проходилъ въ другой разъ черезъ церковь, чтобы соединиться съ другими монахами, пришедшими изъ келей своихъ.

Монахи спали почти въ такомъ же порядкѣ, какъ и по утру, и начали вскорѣ службу. Губертю, упомянутый ночными происшествіями и размышляя, что дальнѣйшее пребываніе въ церкви сдѣлаешь то, что его наконецъ увидяшь, ушелъ попихоньку и возвратился въ свою комнату, въ надеждѣ предашь сну и успокоишь на нѣсколько минушь чрезвычайное волненіе своего духа.

Г Л А В А XII.

Послѣ сна, довольно спокойнаго, но прерываемаго отъ времени до времени сновидѣніями, представлявшими странныя сцены дня, Авинцо сошелъ на другой день рано по утру къ Королю Роберту Брюсу и товарищамъ его оружія. Они ожидали его съ неперпѣніемъ и спросили поспѣхъ о причинѣ долгаго его отсутствія и для чего онъ не былъ за ужиномъ; они сказали ему также, что это не избѣгло отъ примѣчанія служившихъ имъ монаховъ.

Губерто предвидѣлъ всѣ сии вопросы, но колебался отвѣчать. Потомъ подумавъ, что естли скажетъ имъ о случившемся, то увеличитъ ихъ безпокойство, а не по-

дасть средствъ опклонить опасность, по видимому угрожающую имъ; спрашася особливо пылкого нрава Лорда Дугласа, котораго гнѣвъ, или нескромность могли сдѣлаться гибельными, естли подозрѣнія его основательны, и ускорилибъ несчастія, казавшіяся еще опдаленными, рѣшился скрыть отъ нихъ вчерашнія свои замѣчанія. Авинцо отвѣчалъ просто, что занимался молитвою и особенными размышленіями. Онъ сказалъ также монахамъ, подававшимъ завтракъ, которые говорили съ нимъ объ его оплучкѣ, что вчера онъ прогуливался долго въ монастырскихъ садахъ, зашелъ очень далеко и что, по возвращеніи своемъ, увидя ужинъ окончившимся, пошелъ въ свою комнату.

Въ продолженіе дня Губерто узналъ, что Король нимало не былъ надеженъ на лицемѣрныя увѣренія въ дружбѣ Настоятеля Гондеца, но получилъ напрошивъ того болѣе подозрѣнія, нежели прежде, и что, смущаемый снова непріятными предчувствіями, твердо рѣшился онъ не оставаться болѣе въ бездѣйствіи, но употребить хитрость, или насиліе, чтобы выдти изъ острова Оронца.

Между тѣмъ Авинцо, мучимый вчерашними воспоминаніями, сдѣлалъ планъ и рѣшился исполнить его въ эту же ночь. Страшныя и чрезвычайныя происшествія, случившіяся съ нимъ, упомянули воображеніе его и внушили ему намѣреніе испоргнуть мужествомъ и благоразуміемъ тайны, которыя

случайно начали ему открываться. Въ нестерпѣннѣи и безпокойствѣ часы дня казались ему несносно продолжительными; по разговаривалъ онъ тайно нѣсколко минутъ съ товарищами нещасія, по бродилъ по галлереймъ, или по безмѣрнымъ корридорамъ монастыря, внимательнѣе замѣчая всѣ проходы и малѣйшіе обороты. Наконецъ, когда солнце начинало скрываться, Авинцо пошелъ въ уединенное мѣсто и сѣлъ на пень стараго дуба, подъ тѣнью бука, котораго мрачные листья колебались нѣжно вечерній вѣтеръ.

Зрѣлище наступающаго вечера было восхищенно и, казалось, утѣшило на минушу волненіе его души. Спокойствіе великолѣпнаго уклоненія дневнаго свѣтила

было прерываемо только тихимъ въперкомъ и легкимъ шумомъ въ швей, колебавшихся надъ его головою.

По правую руку простиралась обширная долина въ видѣ пространныго амфиатра, окруженная большими вязами и буками, сквозь которые проникали, какъ золотые фонтаны, лучи заходящаго солнца. Высокіе шпицы монастыря Оронцаго, возвышавшіеся до облаковъ, сверкая отъ послѣднихъ лучей дня, перемѣняли сцену и составляли живописное дѣйствіе посреди сей прекрасной карпины. Напротивъ безмѣрная поверхность воды, подобно пространному зеркалу, отражала облака и мвы, распуція по берегамъ. На лѣвой сторонѣ, за оградю монастыря, смотрѣлъ онъ съ горестію на

безплодные и грозные нависшіе въ море утесы, кои шептались за горизонтомъ.

Звукъ колокола раздался семь разъ въ воздухъ; ночь шествовала скорыми шагами, и часъ ужина призывалъ Авинцу въ монастырь. И такъ, оставивши съ сожалѣніемъ мирное свое убѣжище, пошелъ онъ медленно къ монастырю, рѣшившись покуситься на поступокъ, который побуждало его исполнить чувство, еще неизвѣстное, но гораздо сильнѣйшее простаго любопытства.

Г Л А В А XIII.

Ужинъ прошелъ, какъ и оба прежніе. Авинцу всталъ первый изъ-за стола; потомъ, поклонившись учтиво

своему Государю и поваривцамъ оружія, оставилъ прапезу и вышелъ въ свою комнату, какъ будто бы хотѣлъ предасться покою. Пробывши въ ней нужное время, вышелъ осторожно, прошелъ тихо черезъ корридоръ и пробирался уединенными и мрачными проходами, которые спарался со вниманіемъ замѣпить днемъ. Сошедши съ круглой лѣстницы, очутился онъ въ галлерейхъ. Тамъ остановился на минушу, послушалъ и, не слыша никакого шума, продолжалъ свой путь твердыми и скорыми шагами вдоль аркадъ и скоро дошелъ до церковныхъ дверей. Онъ спѣшилъ шуда войти и выбралъ на одной сторонѣ надежное и спокойное убѣжище, чтобы не быть примѣченнымъ и наблюдать, что будетъ происходить.

Долго уже Губерто ждалъ терпѣливо въ семь убѣжищъ. Наконецъ точно въ пошъ же часъ, какъ и вчера, увидѣлъ онъ, что Наспояшель Гондецъ съ Джономъ Думбаромъ вышли вдругъ изъ-за главнаго олшаря. Оба прошли черезъ церковв и сошли въ затворы, заперевши двѣрь.

Когда Авинцо увѣрился, что его не увидятъ, по оставилъ свое убѣжище и спрятался за балюспрадою хора, чтобы смонрѣшь опшуда, не придетъ ли незнакомка еще разъ въ церковь, и въ такомъ случаѣ начатъ съ нею рѣчь. Живѣйшее любопытство, соединенное съ неизобразимымъ чувствомъ, котораго онъ самъ не могъ изъяснить, заставляло сердце его сильно биться. Въ неперпѣливости казались минуны ему смертельно долгими часа-

ми. Уже начиналъ онъ спра-
 шившись, что ждалъ напрас-
 но, какъ услышалъ легкій
 шумъ. Глаза его обратились
 поспѣшь въ ту сторону и
 увидѣли ту же шаинспивенную
 особу, подходящую къ олтарю
 съ большею робостію, не-
 жели въ прошедшую ночь.
 Она оспорожно осматрива-
 лась вокругъ себя, преклони-
 ла колѣна у подножія олтаря
 и попомъ возсылала въ мол-
 чаніи къ Богу ночное свое мо-
 ление. Губерто, едва дыша, бу-
 дучи неподвиженъ и имѣя гла-
 за обращенныя на незнаком-
 у, которая лежала очень дол-
 го проспавшись, увидѣлъ на-
 конецъ, что она встала, по-
 шла медленно къ рѣшеткѣ
 хора, посмопрѣла сквозь нее,
 а особенно на то мѣсто, оп-
 куда Авинцо вчера вышла.
 Увѣряясь, по видимому, что
 ей нечего опасаться, незна-

комка отперла рѣшетку и сошла въ церковь, по которой начала ходить медленными стопами, часто останавливаясь и бросая повсюду безпокойные взгляды.

Губерто хотѣлъ сперва за нею идти, но боялся прервать еще разъ безмолвную ея прогулку. И такъ онъ оставилъ занимаемое имъ мѣсто, подошелъ тихонько къ высокой желѣзной балюстрада, окружавшей хоръ, и вошелъ чрезъ рѣшетку, которую незнакомка оставила полуоткрытою. Едва Губерто тамъ спрятался, какъ тайнственнаго вида особа, пробѣжавши нѣсколько разъ по церкви, вошла на хоръ. Она хотѣла уже запереть рѣшетку, какъ Губерто подошелъ къ ней и сказалъ: „Извините, сударыня, закликаю васъ, любопытство несчастнаго иностранца!“

При сихъ словахъ незнакомка вскрикнула и опусту-пила на нѣсколько шаговъ. Авинцо только что успѣлъ броситься къ ней, чпобъ ее поддержать и воспрепятствовать нѣжному пѣлу разби-ся о мраморной полъ церкви.

Каково было тогда уди-вленіе и восхищеніе Губерна! Та, копорая лежала на его колѣнахъ, соединяла съ моло-достью чрезвычайную красо-ту. Голова ея, легко склонив-шаяся на грудь Авинцо и освобожденная ошъ покрыва-ла, представила ему черты небснаго лица. Ея глаза полу-акрытые блиспали еще по-среди смерснаго мрака, а ще-ки, столь же бѣлыя, какъ драгоцѣннѣйшій мраморъ, на-чинали приниматъ розовой цвѣпъ, сокрывшійся ошъ чрез-мѣрнаго ужаса. На вздымаю-щуюся, кочпи открытую ошъ

паденія, грудь ея разсына-
лись волосы ея.

Онъ разсмаприваль ея съ удивленіемъ и былъ неподвиженъ, не могъ опвращипшь взоровъ своихъ опъ прекра-снаго лица, освѣщаемаго ясно лампадою, повѣщенной пе-редъ главнымъ олпаремъ.

Наконецъ онъ осмѣлился приложипшь легонько руку свою къ алебастровой груди, и чувспвуя, что дыханіе ея спановилось сильнѣе, номогъ незнакомкѣ, еще дрожащей, вспапшь и поддерживаль ея въ продолженіи нѣкотораго времени. Опомнясь мало по малу опъ ужаса, причиненнаго ей внезапнымъ появле-ніемъ Губерта, ырвала съ она поспѣшно изъ его рукъ и опспувила на нѣскольго ша-говъ назадъ съ осанкою, ис-полненнойю достоинства. Гор-дое и важное ея положеніе

возвышало еще красоту ея и тѣмъ болѣе производило впечатлѣнiя надъ душою юноши, который бросился передъ нею на колѣна и снова обратилъ къ ней слѣдующую рѣчь :

„О совершеннѣйшее и любезнѣйшее шворенiе ! не уже ли присущствiе мое въ сихъ священныхъ мѣстахъ привлечетъ на меня швой гнѣвъ ? Не думай, что я нарочно зашелъ сюда въ ужасный мракъ и молчанiе ночи, чшобы осквернить спрашнымъ покушенiемъ или нескромнымъ взорами чистѣйшiя прелести, которые едва ли поражали столь сильно когда-нибудь глаза смертнаго : рука его и жизнь посвящены Богу, невинности и добродѣтели.“

Губерто замолчалъ ; незнакомка прiятнымъ голосомъ, проникнувшимъ до глубины души юноши, разпростерша-

гося передъ нею, отвѣчала ему такъ:

„Что значить эта рѣчь? кто ты и за чѣмъ пришелъ сюда въ сей торжественный часъ, когда весь монастырь погруженъ въ глубочайшее спокойствіе, меня безпокоютъ даже въ семь ужасномъ святылищѣ? Развѣ ты не знаешь, что неизбежная и жестокая смерть будетъ твоимъ наказаніемъ, есѣли заспанутъ тебя въ сихъ мѣстахъ?“

— Я несчастный, безъ семейства, безъ отечества, отвѣчалъ Авинцо, осужденный съ младенчества скипаться безъ вождя и подпоры по бурному морю жизни. Не обвиняя въ помъ Небо, благодарю Его напропивъ, потому что Оно дало мнѣ друзей, способныхъ пожертвовать своею жизнію для защищенія моей. Я родился

въ Испаліи, имя мое Губертъ
 Авинцо. Будучи разбины при
 Мепвенѣ съ Королемъ Роберт-
 томъ Брюсомъ и принужденны
 искашь спасенія въ бѣгствѣ,
 я и друзья мои просили убѣ-
 жища въ семь монастырѣ.
 Вчера ввечеру, забывши часъ
 и думая о спральной преслѣ-
 дующей меня судьбѣ, оспал-
 ся въ семь храмѣ и не при-
 мѣшилъ, какъ заперли двери.
 Я рѣшился провести нощь
 ночь, и случай представилъ
 васъ въ первой разѣ моимъ
 взорамъ. Я хотѣлъ говорить
 съ вами, но вы удалились,
 не выслушавъ моей просьбы.
 Осмѣлюсь ли сказать, что
 видѣ вашъ внушилъ мнѣ бо-
 лѣе нежели удивленіе? Мучи-
 мый чувствомъ, котораго не
 могу я опредѣлить, не успра-
 шился, чтобы еще васъ уви-
 дѣть, подвергнувшись опасно-
 сти. —

„Безразсудный юноша! вскричала незнакомка, да будешь Небо своею защитою, да ошврапишь опть главы своею ужасное мщеніе! Ты не знаешь спрашнаго сего жилища. Спайайся скрышься опть всѣхъ; дожидайся ночной службы; бѣги тогда, еспли можешь, бѣги скорѣе съ храбрыми своими поваррищами опть пресупныхъ стѣнь монастыря Оронцскаго.“

Незнакомка хотѣла удалиться; но Губерто оспановиль ее шихо за руку:

— Слова твои, небесное швореніе, ошвѣчалъ омъ расшроганнымъ голосомъ, мокашываюшъ мнѣ, что ты знаешь хорошо шайны горешной сей обители. Не спрашимсь опкрыть ихъ мнѣ; конечно онѣ имѣюшъ связь съ своею судьбою, еспли въ!

ришь ужасному подозрѣнію. Такъ, ты невинна, добродѣтельна и спенаешь опъ какого-нибудь ужаснаго преслѣдованія. Имѣй ко мнѣ довѣренность, заклинаю тебя; Губертю Авинцо почтешь за щастіе лишиться жизни для оказанія тебѣ услуги. —

„Не могу и не должна открыть тебѣ то, чего опъ меня пребуешь; сказала незнакомка, сдѣлавъ рукою движеніе, исполненное пріятности.“

Губертю хотѣлъ ее прервать; но она поспѣшь присовокупила: „Я хочу еще болѣе, хочу, чшобъ ты сохранялъ вѣчное молчаніе о томъ, что видѣлъ. Поклянись мнѣ въ томъ торжественно.“

— Возможно ли? сказалъ Авинцо, я буду знать, что споль драгоцѣнные дни погребены можешь быть на-

всегда въ ужасномъ уединеніи; что какой-нибудь злодѣй осуждаетъ васъ испаявать въ сукъ и гореспномъ заключеніи; и буду столь подлъ, что не покушусь освободить васъ! Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Позволь мнѣ, присокупилъ Губерто пронупымъ голосомъ, защитилъ беспомощную невинность; благоволи принять дань сердца, принадлежащаго тебѣ безвозвратно съ сей минуты. —

Незнакомка, слушавшая его сперва со вниманіемъ, приняла на себя спротивный видъ при сихъ послѣднихъ словахъ:

— Оставь этотъ суровой взглядъ, которой, кажется, упрекаетъ меня въ дерзости, сказалъ Авинцо. Я чувствую, увы! что не могу спести швоей ненависти. Проси моей дерзости, же-

ланиямъ души, благополучіе или несчастіе которой будетъ совершенно отъ васъ зависѣть. Не лишай меня всей надежды, отвѣчай и скажи: можешь ли надѣяться двинцо внушить когда-нибудь свое къ себѣ участіе? —

Когда онъ пересталъ говорить, то прекрасная незнакомка, казалось, смягчилась. Между тѣмъ Губерно схватилъ руку ея и сжалъ ее робко въ своихъ. Нѣжный и просительный взглядъ его, казалось, ожидалъ отвѣта.

„Естьли правда, сказала прекрасная незнакомка, что молчаніе мое тебя оскорбляетъ, то я прекращу его. И такъ вѣдай, молодой чужестранецъ, что сердце мое знаетъ только несчастіе и желаетъ одной свободы.“

— Пусть наслаждается оно свободою! отвѣчала Гу-

берто, исполненный радости; но позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ имѣть какую-нибудь надежду. Могу ли, слѣдуя добродѣтели, чести и славы, быть увѣреннымъ въ вашемъ къ себѣ вниманіи? —

Незнакомка ничего не отвѣчала на сіи вопросы; но Авинцо просилъ у ней такъ нѣжно отвѣта, что она сказала ему:

„Я дамъ тебѣ отвѣтъ подъ условіемъ, согласенъ ли ты будешь принять его?“

— Говорите, говорите! что это за условія? спросилъ Губерто съ живостію. —

„Клянись хранить глубочайшую тайну о семъ свиданіи и не дѣлай никакихъ усилій меня освободить: не только не получишь ты никакого успѣха, но и погубишь непременно себя и друзей своихъ.“

Авиньо молчалъ.

„Оспавъ, продолжала незнакомка, оспавъ, прощу тебя, слишкомъ безразсудное намѣреніе: моя или швоя смерть будущъ неизбѣжнымъ того слѣдствіемъ. Оспавъ меня лучше влачишь въ сихъ горестныхъ мѣстахъ жизнь, копорая какъ ни несчастна, но можешь доставишь мнѣ нѣкогда вѣчную награду.“

— Соглашаюсь, хотя съ сожалѣніемъ, на швои желанія, опвѣчалъ Губершо. Коль скоро зависить опъ того швоя жизнь, то ты можешь положишься на мое послушаніе. Но прежде нежели я уйду, позволь мнѣ сдѣлать еще тебѣ одну просьбу. Не уже ли надобно, чшобъ имя швое оставалось всегда мнѣ неизвѣстно? Могу ли я выражать его на своемъ языкѣ, произносишь его съ любовью

въ нѣдрахъ славы и призывать съ довѣренностію посреди опасности? —

„Перестань, Авинцо, требовать отъ меня того, чего не могу исполнить. Повинуйся и оставь прочее на попеченіе Бога.“

Она произнесла сіи слова торжественнымъ голосомъ, проникнувшимъ въ душу юноши. Авинцо взялъ руку незнакомки, положилъ ее на свое сердце и прижалъ къ своимъ устамъ съ почтеніемъ. Оба подошли медленно къ олтарю и спали передъ нимъ на колѣна. Тогда Губерто, поднявъ правую руку къ небу, вскричалъ выразительнымъ голосомъ:

„Боже! прими клятву мою любяшь ее до послѣдняго вздоха. Не покровительствуй мнѣ болѣе; опыми у меня

жизнь, естли забуду ее на минушу.“

Благочестивый воспоргъ, съ кошорымъ Губерто изьяснися, любовь, блиспавшая въ глазахъ его, смягчили незнакомку. Сладкая, смущенная радость, нѣжная помяность вкрасили въ ея душу. Она склонилась на плечо его, и препенущія уста произнесли имя Авинца.

Юноша, упоенный щаспиемъ, прижалъ нѣжно ея къ сердцу и хотѣлъ сорвать непорочный поцѣлуй. Незнакомка, опомнившись, пошчасъ вспала; вывела съ важнымъ видомъ Губерта съ хоръ, и сказала ему съ слабымъ вздохомъ: прощай! заперла рѣшешку; помяномъ, поклонившись ему съ пріяшнымъ видомъ, исчезла пошчасъ за олшаремъ.

Авинцо былъ нѣсколько времени неподвиженъ, какъ будто имѣлъ еще передъ глазами небесный сей образъ, копорый любовь напечатлѣла навсегда въ его душѣ.

„Кпожь пакова, вскричалъ онъ наконецъ, эша женщина, копорая походитишь болѣе на Ангела, нежели на смертную? Нѣтъ! это не сонъ: имя мое, имя Авинцо произнесли ея уста съ выразительною помностію, показывающею смущеніе ея сердца. Нѣтъ! ша, копорая обладаетъ опнынѣ моею душою, не нечувствительна къ любви моей. Слишкомъ щастливый Авинцо! благослови судьбу свою: безъ любви сего небеснаго предмета смерть былабы единственнымъ швоимъ приближеніемъ.“

Губерто все еще предавался своимъ воспоргамъ,

когда часъ службы собралъ монаховъ въ церковь. Тогда онъ вспомнилъ о приказаніяхъ прекрасной незнакомки и скрылся подъ галлереями. Оттуда прошелъ онъ въ свою комнату, гдѣ съ душою, исполненною прелестнымъ образомъ той, которая явилась ему въ спѣнахъ монастырскихъ, и сердцемъ, пораженнымъ гармоническимъ ея голосомъ, уснулъ спокойно посреди сладкихъ сновидѣній, порожденныхъ любовію.

Конецъ первой Части.

